

ПОЛУКРОВКА

ТЕНЬ И СВЕТ

RIVEN VOIDWALKER

Riven Voidwalker

Полукровка — тень и свет

«Автор»

2026

Voidwalker R.

Полукровка — тень и свет / R. Voidwalker — «Автор», 2026

Двадцать лет назад война между Элирией и Ноктарией закончилась хрупким миром, но для Элинализ, полукровки двух враждующих народов, граница проходит внутри неё самой. После гибели Рена отчаяние пробуждает силу, которой не должно существовать: рядом возникает Тень, молчаливая и пугающе знакомая. Эля отправляется в дорогу, надеясь вернуть утраченное, и встречает Аскара — человека, который не обещает спасения, зато остаётся рядом, когда надежда становится опаснее правды. Чем чаще Эля обращается к Тени, тем выше цена: исчезают голос, смех, воспоминания и части её личности. Чтобы выжить, ей придётся узнать, что именно она создала, и выбрать между прошлым, которое требует всё, и жизнью, которой ещё можно дать имя.

© Voidwalker R., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Кошмар, который не кончается	8
Глава 2. Две недели между жизнью и смертью	11
Глава 3. То, что осталось от Рена	15
Глава 4. Следы чужой магии	19
Глава 5. Гильдии, где храбрость закончилась	23
Глава 6. Аскар	27
Глава 7. Договор с человеком, которому плевать	30
Глава 8. Первый переход	33
Глава 9. Первое проявление тени	35
Глава 10. Версия Эли	39
Глава 11. Старые земли войны	43
Глава 12. Тень как зеркало	47
Глава 13. Ты должен быть Реном!	53
Глава 14. Первый настоящий разговор	61
Глава 15. Пограничный город	66
Глава 16. Неприятное доверие	75
Глава 17. Кошмар меняется	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Riven Voidwalker

Полукровка — тень и свет

Пролог

Комната пахла кровью, травами и страхом.

Эльвира лежала на широкой постели, сжимая край простыни так, что побелели костяшки. Тело ещё помнило боль — острую, рвущую, как будто её разрывали изнутри. Но боль уже отступала, уступая место чему-то другому. Тяжелому. Тёплому. Она опустила взгляд и увидела ребёнка.

Девочка.

Маленькая, сморщенная, с влажными светло-серыми волосами, прилипшими к вискам. Она дышала часто и слабо, как птенец, который ещё не понял, что вылез из скорлупы. Эльвира протянула дрожащую руку и коснулась её щеки.

Девочка открыла глаза.

Светлые. Серебристо-голубые, как у неё самой. Как у Эфиров.

— Элинализ, — прошептала Эльвира.

Имя прозвучало тихо, почти как молитва. Она знала, что не сможет оставить дочери ничего, кроме этого имени. Ни дома, ни защиты, ни права называть себя дочерью. Только имя. Элинализ.

— Госпожа, — служанка стояла у двери, бледная, с трясущимися руками. — Господин Барахур идёт.

Эльвира сжала ребёнка крепче.

— Дай мне ещё минуту.

— Он уже здесь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошёл Барахур.

Он был высоким, широким в плечах, с лицом, которое не прощало слабости. Чёрные волосы падали на лоб, глаза — тёмные, почти без зрачков — сразу нашли ребёнка в руках Эльвиры. Он не улыбнулся. Он ждал.

— Покажи.

Эльвира приподняла ребёнка, откинула край пелёнки, чтобы он видел лицо. Она знала, что он ищет. Знаки Ноктарской крови. Смоль в волосах? Нет. Теневую отметину на лбу? Нет. Глаза, как ночное небо?

Барахур наклонился, всмотрелся.

И увидел светлые глаза.

Его лицо изменилось. Не сразу — сначала он замер, будто не веря. Потом уголки губ дрогнули, но не в улыбке. В чём-то другом. В злости, которая росла слишком быстро, чтобы её скрыть.

— Что это? — голос был низким, почти спокойным. Но спокойствие это было обманчивым. В нём таилась ярость.

— Твоя дочь, — ответила Эльвира. Она старалась говорить ровно, но сердце колотилось так, что она слышала его в ушах.

— Не смей. — Барахур шагнул ближе, тень от него накрыла Эльвиру, словно хищник, загнавший добычу в угол. — Не смей называть это моей кровью.

— Она ребёнок.

— Она позор! — голос сорвался. Барахур ударил кулаком по спинке кровати, и дерево треснуло. — Ты видишь? Ты видишь это? Ни следа, ни силы! Светлые глаза! Эфирская мерзость в моём доме, в моей постели!

Он выхватил ребёнка из рук Эльвиры — грубо, неловко, как берут мешок с гнилым зерном. Девочка всхлипнула, но не закричала. Она смотрела на него светлыми глазами, и это было хуже плача.

— Смотри! — Барахур повернул её к свету, будто показывал доказательство преступления. — Смотри, чего ты мне родила! Где моя кровь? Где моя сила? Я ждал наследника, доказательства силы моего рода! А ты принесла мне... это.

— Она — твоя дочь, — повторила Эльвира. Она уже не боялась — она была в ярости, которую прятала под маской усталости. — Ты хотел ребёнка? Ты получил его. Она живая. Она дышит.

— Она дышит твоей кровью! — Барахур швырнул ребёнка обратно на кровать. Девочка закашлялась, но не заплакала. Она лежала на смятой простыне, глядя в потолок, и Эльвира на мгновение увидела в этом взгляде что-то пугающее: она уже не ждет ни доброты, ни милости.

— Избавится от нее. Стереть с лица земли и истории моего рода.

Эльвира похолодела.

— Что?

— Ты слышала. — Он отвернулся, провёл рукой по лицу, стирая пот и злость. — Убери эту ошибку. Я не хочу, чтобы кто-то узнал. Если Ноктары увидят это светлое отродье, меня назовут слабым. Моя кровь должна победить — а она не победила. Значит, не моя это кровь.

— Это твоя кровь.

— Тогда докажи. Убей её сама, если не хочешь, чтобы я приказал сделать это слугам.

Эльвира медленно поднялась. Ноги не слушались, внизу живота ещё пульсировала боль, но она не могла лежать. Она должна была что-то сделать.

— Ты боишься слухов, — сказала она. Голос звучал устало, но в нём появилась сталь. — Ты боишься, что кто-то узнает, что ребёнок вышел не Ноктарским. Но если ты прикажешь ее убить — слухи будут хуже. Ты думаешь, никто не заметит? Служанки уже знают, что она родилась. Они видели её глаза.

Барахур замер.

— Что ты предлагаешь?

— Отдай её мне. Я сама избавлюсь от неё. Вне дома, подальше от любопытных глаз. Скажем, что не пережила ночь. Что родилась слишком слабой. Иначе подумают что отец был настолько уязвлен внешностью новорожденной, что сошел с ума и приказал убить своего первенца.

Барахур смотрел на неё с подозрением, но Эльвира не отвела взгляд. Она не молила. Она констатировала факт.

— Ты лжёшь, — сказал он.

— Может быть. Но ты не можешь рискнуть.

Наступила тишина. В ней было слышно, как ребёнок дышит — тихо, почти незаметно. Как в углу потрескивает свеча. Как за стеной переступает с ноги на ногу стражник.

Барахур развернулся и вышел. Не сказав ни слова.

Эльвира выдохнула. Только теперь она поняла, что задерживала дыхание.

— Госпожа? — служанка уже стояла рядом, готовая подхватить ребёнка.

— Бери её, — сказала Эльвира. Голос дрогнул. Она подхватила девочку, прижала к себе на мгновение. — Беги через задний коридор. Там есть проход к восточным воротам. Стражу я отведу — скажу, что иду в теневой сад. Они не посмеют меня остановить, пока Барахур не вернётся.

— Как я выйду?

— Там старый выход — через прачечную. Никто не знает о нём, кроме старых слуг. Я заплатила стражнику на воротах. Он сделает вид, что не заметил.

Служанка взяла ребёнка. Девочка не заплакала — только открыла глаза и посмотрела на служанку. Светлые, спокойные.

— Как её зовут? — прошептала служанка.

Эльвира посмотрела на дочь, потом на дверь, за которой мог в любой момент вернуться Барахур.

— Элинализ, — сказала она. — Если выживет... пусть знает, что у неё было имя. Что её мать не хотела её отдавать монстрам и дала ей жизнь.

Служанка кивнула и скользнула к боковой двери — тихо, быстро, будто готовилась к этому и знала что это произойдет.

Эльвира осталась одна.

Она провела рукой по простыне, где только что лежала девочка. На ткани осталось тёплое пятно — след чужой жизни. Она прижала ладонь к груди и медленно выдохнула.

Потом встала, одёрнула платье и вышла в коридор, чтобы встретить стражу.

Она не оглянулась.

Служанка бежала по тёмным коридорам, прижимая ребёнка к груди. Девочка не плакала — она, казалось, чувствовала, что крик привлечёт внимание. Или просто была слишком слаба. Всё, что она делала — дышала, и этого было достаточно.

Пахло сырым камнем, золой и старой, засохшей кровью. Где-то в глубине дома слышались голоса — но они были далеко. Служанка знала каждый поворот, каждую трещину в стене. Она была заточена в этом доме десять лет — и десять лет ненавидела каждую секунду нахождения в нём.

Она вышла через прачечную, где на верёвках сушились тёмные ткани Ноктарских одежд. Пересекла двор, стараясь ступать по грязи, а не по камню — чтобы не слышно было шагов. У восточных ворот стоял стражник.

Он увидел её, увидел ребёнка и отвернулся.

Служанка не стала спрашивать, сколько ему заплатили. Она просто прошла мимо, не ускоряя шага, пока ворота не остались за спиной. А потом побежала.

Через поля, через старую лесную дорогу, к существам, которые не задавали лишних вопросов — Людям. Где ребёнок со светлыми глазами и Ноктарским отцом мог бы стать просто девочкой без прошлого.

Ветер дул в лицо, и девочка наконец заплакала — тихо, но настойчиво, будто протестуя против своего рождения, которое ознаменовало ее неминуемое отвержение.

— Тихо, тихо, — шептала служанка, качая её на бегу. — Всё будет хорошо. Ты будешь жить. Тебя отвергли, но ты будешь принята другими.

Преодолев очень большое расстояние через приграничные ноктарские земли, послевоенные земли, земли эфиров, обессиленная прибыла в людское поселение совсем ранним утром, когда все дома еще спали, и положила ее в корзину возле входа одного из сиротских приютов, завернутую в простыню с подписью с платком на котором было вышито ее матерью «Элинализ». Она с трудом отпустила малышку из рук, и еще долго пыталась пересилить отказывающиеся уходить ноги, чтобы уйти, пока ее не обнаружили. Когда дверь приюта открылась, служанка уже была далеко за границей поселения. Тяжелое начало не менее тяжелой жизни для девочки всего нескольких дней отроду возрастом, но не менее интересного приключения.

Глава 1. Кошмар, который не кончается

Лес был тёмным, мокрым и слишком жизни.

Ветви хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги, но Эля не останавливалась. Она бежала. Бежала так, как бегут только когда знают, что за спиной смерть. Ее руки уже давно озябли и дрожали от холода, но Рен держал её за руку — крепко, почти до боли, и она цеплялась за это чувство, как за единственную надежду.

— Ещё немного, — выдохнул он. Голос был рваным от отдышки, но ровным. — Ещё немного, и мы выйдем.

Она верила ему. В этой ситуации выбор лишь такой — верить или сдаться.

Ветка хлестнула по щеке, оставляя жгучую полосу, но Эля даже не моргнула. Она смотрела только вперёд, туда, где между стволами мелькал просвет. Туда, где могла быть свобода. Где мог быть воздух, а не этот запах мороза и железа.

— Держись, — сказал Рен, и она сжала его пальцы сильнее.

Они почти вышли. Она чувствовала это. Ещё несколько шагов, ещё одно усилие, и они вырвутся. Она уже видела край леса, уже чувствовала ветер, который пах не обжигающим морозом, а чем-то другим — свободой, спасением, жизнью.

А потом рука Рена дрогнула.

Не резко. Не как удар. Просто дрогнула — чуть-чуть, на мгновение, как будто мышцы на секунду перестали слушаться. Эля почувствовала это раньше, чем поняла.

— Рен?

— Беги, — сказал он.

Голос был спокойным. Слишком спокойным.

Она обернулась.

Позади него, по снегу, тянулся тёмный, бордовый след. Она сначала не поняла, что это, или просто отказывалась понимать и ее мозг панически искал объяснение — подумала, что он вступил во что-то и грязь налипла на сапоги. Потом ветер донёс запах. Металлический. Тяжёлый. С вишневым привкусом, от которого душа замирает из-за осознания.

Она опустила взгляд на его ноги, потом выше. На спину, где он держал руку, прижатую к телу. Между пальцев сочилась кровь.

— Что это? — спросила она. Голос прозвучал глухо, будто она говорила из-под воды. — Рен, что это?

Он не ответил. Он сделал шаг вперёд, и она увидела, как он покачнулся.

— Рен!

Она отпустила его руку — и он упал. Нет, не упал. Он осел, медленно, будто внутри него что-то оборвалось, и его тело перестало держать собственный вес. Он опустился на колени, потом набок, и Эля увидела его спину.

Болт.

Чёрный, с оперением, которое раскрасила кровь. Он торчал из-под лопатки — глубоко, до самого древка, и вокруг раны ткань рубашки потемнела почти до черноты.

— Нет, — сказала она. — Нет-нет-нет.

Эля всегда была отчужденной девочкой. В сиротском доме ее часто задирали за ее цвет глаз или за ее «непонятно чьи» волосы. Монахини в доме пытались помешать этому, но у них это получалось плохо, и Эля их не винила: в конце концов, прокормить 15 голодных ртов в условиях ограниченных условий и ненависти от простых горожан — ситуация непростая. Но среди всех детей был один мальчик, который с первого дня как появился там, решил защищать ее ото всех — Рен. Сорванец, каких поискать — уже в 5 лет почти все стражники в поселении знали где их дом и куда вести вновь попавшегося на краже пацана. В итоге, родители

решили отдать мальчика на перевоспитание, но возвращаться за ним не торопились никогда. Но, увидев Элю, Рен решил — он должен стать лучше помогая слабым, и защищал Элю от других детей с самого первого дня и помогая ей с делами приюта. Дети поняли что не могут физически задирать их, поэтому дразнили «женихом и невестой» «красавицей и чудовищем» и похожими выражениями, ёще не зная, что эти дразнилки окажутся правдой. Годы шли, оба ребенка выросли : Эля — В красавицу с характером, завидную невесту, коих поискать. Рен — в сильного молодого человека, не менее завидного жениха, за исключением его происхождения, кое было мене интересным даже по внешним признакам. Знаки внимания оказывались им обоим, но ни один из них на них не реагировал. Они любили друг друга, и другие люди в их уравнении вечной жизни вместе им были не нужны. Уже в 16 лет они оба пошли в авантюристы, потому что для сирот без образования жизнь авантюриста является единственным путем к выходу из низов. Они перебрались в приграничный к ноктарскому королевству город, брали задания в гильдии и жили вполне неплохо, все также бесконечно обожая друг друга. В один день они как обычно шли на задание по карте в пещеру пауков-шелкопрядов — какой-то знатной особе очень сильно хотелось согреть себя шелками на скором зимнем балу в королевском дворце, и они взялись за задание так как уже делали это и знали что пауки не были им помехой, но сегодня все пошло не так... Видимо, ноктарские разведчики продвинулись слишком далеко по людским территориям, или же Эля с Реном ошиблись и повернули не туда... Это уже было не важно...

Она рухнула рядом с ним на колени, прижала ладони к ране. Кровь была тёплой и скользкой, она затекала между пальцев, пачкала руки, и Эля давила на рану, давила изо всех сил, будто могла заткнуть её одной только силой воли. Ее бессилие сводило ее с ума. Она часто слышала от монахинь фразу «если сделаешь одного человека всем своим миром он покажет тебе конец света», но никогда не воспринимала ее всерьез. Никогда, до сегодняшнего дня.

— Смотри на меня, — сказала она. — Рен, смотри на меня!

Его глаза были открыты, но в них уже не было прежнего света. Он смотрел вверх, на ветки, на чёрное небо между ними, и губы его шевелились беззвучно.

— Не смей, — сказала она. — Не смей закрывать глаза. Слышишь? Не смей!

Она слышала шаги. Позади. Медленные, спокойные, уверенные, с ноткой издевки. Шаги тех, кто знал, что наши смельчаки уже выдохнулись и никуда не денутся. Они приближались, и с каждым шагом время сжималось, превращалось в тонкую нить, которая вот-вот порвётся.

— Беги..., — хрипло прошептал Рен. Его рот еле мог извергать слова, воздуха в легких еле хватило на эту попытку образумить Элю, но потуги Рена оказались тщетными.

— Заткнись! — закричала она, отказываясь принять реальность. — Просто заткнись и смотри на меня!

Она снова нажала на рану, и он застонал — тихо, сквозь зубы. Но кровь всё равно текла. Она заливала её руки, её колени, землю под ними. Эля чувствовала, как она становится липкой, как ткань его рубашки прилипает к ладоням. Как от нее всей пахнет металлом, и далеко не от кинжала что был у нее в рукаве.

— Я не брошу тебя! — сказала она. — Слышишь?! Я не брошу тебя! — прокричала в истерике Эля.

Шаги стали ближе.

— Не бросай меня... — прошептала она. Голос сорвался, превратился в хрип. Слезы потекли по ее лицу, смывая кровь с рук и обжигая кожу из-за слишком большой разницы в температуре — Не бросай меня, Рен! Ты слышишь? Не бросай меня!

Шаги за спиной почти настигли. Она слышала, как кто-то идёт по мокрой листве, как трещат сухие ветки под сапогами. Рен смотрел на неё — уже не видя. Его глаза были открыты, но они были пустыми, и огонек в них погас.

— Не бросай меня! — крикнула она в последний раз, и крик этот был похож на отчаянную мольбу богу перед страшным судом.

Земля ушла из-под ног.

Она открыла глаза и несколько секунд не могла вдохнуть.

Перед ней был потолок. Белые доски, трещина возле балки, серый свет между ставнями. Не лес. Не мокрая земля. Не кровь Рена под её ладонями.

Лечебница.

Снова.

Это был Кошмар. Кошмар, который никогда не закончится.

Она еле успела спустить голову с кровати к тазику, как Ее вырвало. Она блевала, снова не в силах поверить в происходящее.

Эля медленно повернула голову, вытерев рот рукавом, с помутненным взглядом, и болью в голове. В углу комнаты стояла тень. Тонкая, почти прозрачная, но узнаваемая. Тень, которая всегда была там, куда бы она ни смотрела. Она не подавала признаков жизни, но Эля была уверена — в ней таится жизнь.

Рен.

— Это ты, — прошептала Эля. Голос был сухим, сорванным, как будто она и правда кричала всю ночь. — Это ты меня сюда принёс?

Она задавала этот вопрос уже множество раз — каждый раз когда просыпалась от этого кошмара. А тень? Тень молчала.

Это молчание было тяжелым, будто камень на груди, ее дыхание сбивалось от этого молчания. Она верила, что Рен вернулся с того света чтобы спасти ее. — Спасибо.. — прошептала она. Голос дрогнул, слезы слегка выступили на глазах у Эли — Спасибо, что не бросил...

Тень стала слегка менее прозрачной, еще больше напоминая ей того, чью рану она зажимала голыми руками несколькими днями ранее. И эта схожесть добивала Элю. Она разрыдалась сильнее. Ей отчаянно хотелось снова услышать его голос, даже хриплый, даже шепот и возмущения — что угодно. Но тень не сдвинулась с места.

Эля попыталась встать с кровати, но потерпело неудачу из-за кружащейся головы, и села на кровать. Стиснув зубы и сдерживая боль в ногах, которые все еще ныли от боли и переохлаждения, которое оставило на некогда изящных ногах численные рубцы от веток и корней в совокупности с холодом, она снова попыталась встать, и едва пройдя пару шагов, уже не могла сдвинуться с места от боли. Пытаясь удерживать равновесие и не упасть лицом не пол, она потянулась к Рену и попыталась коснуться пальцами его шеи, но рука прошла насквозь. Это ощущение пустоты било по ней сильнее чем любая физическая боль, поэтому она, не в силах удержаться на ногах, упала на пол — к ее счастью, довольно мягкий благодаря коврам, и поползла обратно к кровати и забралась в нее, укутавшись под одеяло. Теперь этот кошмар — ее жизнь, и она хотела любыми средствами его закончить.

Глава 2. Две недели между жизнью и смертью

Эля лежала, смотря в потолок и раздумывая о последних событиях в своей жизни — после кошмара она никогда не может заснуть обратно, так как ночью в лечебнице становится душно чтобы комфортно засыпать. Да и поздно уже было, чтобы засыпать — солнце уже начало вставать, а это означает скорый обход пациентов. В прошлые дни Эля была еще слишком сломлена произошедшим и слаба физически, но теперь она может терпеть эту боль и жаждет ответов от врача. По ее внутренним ощущениям врач должен придти с минуты на минуту. Пол на том конце коридора за дверью жалобно закрипел — значит на этаж кто-то зашел. Медленные и тяжелые шаги приближались к комнате где была Эля.

-Как по часам — усмехнувшись, позволила себе съязвить Эля, когда врач заходил в комнату.

Врач — коренастый и приземистый мужчина средних лет, вздохнул от колкости Эли, как только зашел в комнату.

-Давайте уже начнем осмотр — закрывая за собой дверь, слегка устало сказал врач.

Его глаза скользнули в сторону стены всего на секунду — там, где стояла тень — и сразу же убежав обратно в сторону своей пациентки, но Эля все равно заметила, как врач на секунду сжался. Он начал в слегка поспешном темпе осматривать Элю и ее раны — видно, что ему некомфортно тут находится. На удивление, почти все из них уже зажили, хотя держались немного приоткрытыми, словно балансируя между жизнью и смертью. Как только врач прикоснулся к ее рукам и ладони — тем самым, которыми она зажимала рану на спине Рена — легкая дрожь пробежала по ним.

— Болит? — обеспокоено спросил врач, словно что-то подозревая — Н-нет, просто холод пробежался, словно изнутри... — слегка замаявшись с ответом в начале, выпалила Эля

На лице врача смешались непонимание и подозрение. Он снова аккуратно взял ее руки, и не найдя на них следов визуальных повреждений, отпустил.

— Скажу честно... — слегка замаялся врач, словно собираясь с мыслями — за много лет своей работы такие последствия я вижу впервые, как и кого-то, кто выжил бы в том состоянии в каком вы оказались у нас. Чудо, не иначе... — его глаза слегка скосились в сторону тени, но он сразу направил его обратно на свою пациентку, став заметно серьезнее. Он прочистил горло и было уже хотел начать снова что-то говорить, но его прервала Эля — Доктор, а как я здесь оказалась?

По лицу доктора пробежал небольшой холодок. Видно, что ответ на этот вопрос возвращает его к довольно травматичной сцене из не менее свежего прошлого.

— Это не столь важно, госпожа...

— Элиализ, можете звать Эля.

— Так вот, Эля. Это не очень важно, важнее то, что наши...

Он уже было хотел начать что-то говорить о ее состоянии, но Эля его перебила

— Важно — сказала Эля, и в ее голосе слышалась сталь решимости, и небольшое раздражение из-за того что от нее утаивают что-то важное в перемешку с желанием докопаться до истины. И толи голос так на него сработал, толи ставшая более плотной тень источившая небольшой холодок развязала ему язык, но он все таки рассказал

— Вас нашли на пороге лечебницы, без сознания и всю в крови. С переохлаждением, многочисленными ушибами, порезами и буквально на грани жизни и смерти.

— А кто меня туда принес?

— Этого мы не знаем — пожал плечами врач — Впрочем, сейчас важнее ваше состояние. Ваши раны с одной стороны не кровоточат и не создают угрозы, но с другой стороны, они

слишком ... странные. Такие повреждения так просто не получаются. Где вы были перед тем как оказались у нас?

—В ноктарских землях , судя по всему. Мы с моим напарником шли в пещеру пауков-шелкопрядов, но видимо заблудились и прошли туда куда ну должны были. И в итоге попали в засаду ...

—В ноктарских землях?! — шокировано перебил Элю врач — Серьезно?! Тогда вообще чудо что вы выжили...

—Есть такое — сказала Эля и бросила взгляд в сторону тени.

—Вообщем, это многое объясняет. Возможно , аномальная природа ваших ран может быть связана с применением на вас ноктарской магии или проклятия . Мы должны исследовать этот вопрос ... Я пойду и распоряжусь чтобы наша больница связалась с храмом целителей и нам прислали одного . Он обследует вас и выдаст заключительный вердикт по вашему состоянию . Отдыхайте

—Подожд-

Но врача как ветром сдуло. Видимо, упоминание ноктарских земель и кого-то кто там выжил его сильно напугало, но ничего не объяснило Эле. Она не ходила в школу когда была в приюте, но каждый вечер им читали старые придания. Там рассказывалось о том, что Эфиры — существа родившиеся из света и любят все живое, а ноктары — из темноты и тени, как бы дополняя их. С момента как эфиры навязали ноктарам мир после начатой ноктарами войны из темных земель не возвращался никто из простых обывателей . Они либо пропадали, либо их убивали тамошние монстры. Кажется, Эле несказанно повезло выйти оттуда живой. Но ей этого было недостаточно , и она хотела знать больше, поэтому она снова поднялась в кровати и попыталась встать. У нее получилось, и она даже смогла сделать пару шагов, но потом она снова упала на колени от недостатка сил и боли в суставах. Она попыталась начать лезть к выходу — уперто, словно за этой дверью все нужные ей ответы, хотя знала что это не так. Но вдруг тень сдвинулась, хотя , правильнее сказать, поплыла — волнистое темное пятно теперь находилось между Элей и дверью , как бы преграждая выход.

—Ты не хочешь чтобы я выходила , Рен ? —сказала с надеждой в глазах Эля

Но тень не шелохнулась . Никакого ответа не последовало.

—Ты всегда так стеснялся открыто показывать заботу — тепло улыбнувшись, сказала Эля ...

Но вдруг за дверью послушались шепоты двух человек . Одного из них она точно знала — это был тот доктор, который осматривал ее только что. Мягкий но глубокий тон — его ни с чем не спутаешь, как если бы домашнее рагу было голосом. А второй был более звонкий и... напуганный , что ли. Эля на могла расслышать весь разговор, ведь дверь очень плотная, но кусочек она уловила довольно точно

—Что это за тень рядом с ней ?

—Подозреваю, что это какое-то проклятие , но эксперт нам явно лучше скажет. В любом случае — это существо ее убивает .

Этот диалог вызвал в Эле волну недоверия и шока.

—Как они смеют так думать о Рене? — негодовала Эля — он ведь спас меня! Я бы не осталась в живых, если бы не он! Он пожертвовал собой ради меня!

Она чувствовала обиду и злость на работников лечебницы, и эти чувства не давали ей покоя. Рен, кажется, был того же мнения , что и Эля, только молча — снова уплотнившись и слегка растянув свой силуэт. Медсестра — девушка лет на вид двадцати пяти с небольшим , слегка вздрогнула, когда зашла в комнату Эли с подносом и почувствовала холод в ней. Она поставила поднос на стол рядом с кроватью и села рядом.

— Вам нужно восстанавливаться — сказала медсестра, пододвигая к ней тарелку супа с травами.

Эля была согласна на все что угодно , лишь бы восстановится. Раньше она могла лазать по деревьям, бегать как кошка и быстро переплывать все водоемы что встречались у них на пути , а теперь едва могла ходить не падая от тяжести в ногах. Она поднесла ложку с супом ко рту и попыталась проглотить, но ее вырвало — видимо , в данный момент ее тело отторгает даже мало-мальски тяжелую еду. Медсестра смотрела на Элю очень сочувствующим взглядом, словно на побитого щенка, но продлилось это не долго. Она помогла ей убрать последствия супа, поставила на поднос стакан с водой и встала чтобы уйти.

—Зовите, если нужна будет помощь —сказала медсестра, двигаясь к двери

—Х-хорошо — промямлила Эля, все еще слегка прокашливаясь от недавнего события

Попытайтесь снова поесть через время, но не слишком интенсивно — сказала медсестра, выходя за дверь. Половицы жалобно заскрипели, провожая ее на другой этаж.

Она приходила еще один раз на ужин, принеся самую легкую для употребления пищу. Эля все таки смогла немного поесть, но с очень большим усилием. Медсестра пыталась проводить время с ней как можно меньше— видимо, у всего персонала лечебницы тень вызывала дискомфорт. Минуты текли , сменяясь часами, и настала ночь и время спать. Эля укуталась в одеяло и повернулась к стене, почти сразу провалившись в сон. Кошмар снова пришел к ней, но уже не такой , каким был до этого . Она не могла сразу понять разницу, но по внутренним ощущениям поняла — он стал длиннее. Она еще не могла понять, что конкретно изменилось в удлинённой версии кошмара , но могла точно сказать, что что-то да изменилось. На этот раз она даже проснулась с криком . Первые несколько секунд она не могла дышать, будто кто-то держал ее за горло. В перерыве между агональными вдохами в попытках словить воздуха , она заметила изменение в комнате. Тень стояла ближе , намного— почти что у быльца кровати , как будто беспокоясь за нее , хотя на самом деле он не изменился в своем виде ни на чуть. Эля посмотрела на него и в ее глазах словно загорелись огоньки понимания . —Ты ведь знаешь что со мной было там? Да, Рен ? Расскажи, пожалуйста! — сказала Эля , будто надеясь что искренняя просьба заставит тень говорить.

Но тень не шелохнулась. Просто стояла ближе, у стены возле быльца кровати. Эля верила, что он знает и хочет ей все рассказать, но не может. И это ее разрывало. Разрывало от осознания , что ее любимый не может ей помочь, как бы ни хотел. Она снова разрыдалась , из-за своего бессилия села на кровати, продолжая рыдать, махая руками, будто в попытках схватить тень, но все ее потуги проходили сквозь него, а тень лишь стала слегка волнистой. Эля рухнула обратно на кровать отключившись от отсутствия сил.

Эля очнулась уже утром.

Солнце пробивалось сквозь ставни, оставляя на полу жёлтые полосы света. Голова гудела, во рту было сухо, и она чувствовала себя так, будто её выжали досуха. Вчерашний вечер — попытка поесть, разговор с медсестрой, ночной кошмар — всё это плавало где-то на грани памяти, как будто случилось не с ней.

Она медленно повернула голову.

Тень стояла на том же месте, что и вчера. У кровати. Ближе, чем раньше. Эля смотрела на неё несколько секунд, пытаясь найти в этом тёмном пятне знакомые черты. Где-то там, в глубине, ей казалось, что она видит плечи Рена. Изгиб его спины. То, как он наклонял голову, когда слушал её.

— Ты всё ещё здесь, — прошептала она хриплым голосом с нотками тепла.

Тень не ответила.

Эля закрыла глаза и попыталась вспомнить его голос. Тот самый — низкий, чуть хриплый, с насмешливыми нотками, когда он поддразнивал ее по-дружески . Она напрягла память, стараясь удержать звук, но он ускользал, как вода сквозь пальцы.

Она помнила, что он говорил. Но не помнила, как он звучал.

Этот страх был хуже боли в ногах. Хуже слабости, которая не давала ей встать. Хуже тошноты, которая подкатывала к горлу при мысли о еде. Если она забудет его голос, кто она тогда? Существует ли для нее Рен еще ?

— Не уходи, — прошептала она в сторону тени, снова сдерживая рыдания. — Пожалуйста. Я не выдержу ещё раз...

Тень молчала.

Но ей было достаточно ее существования рядом. Оно давало ей надежду . Надежду , что все может быть как раньше.

Глава 3. То, что осталось от Рена

Утро пришло тихо — без крика, без кошмара, но с той же тяжестью, что и все предыдущие дни. Эля открыла глаза и несколько секунд просто лежала, глядя в потолок, проверяя, где она находится и не вернулась ли в лес. Белые доски, трещина у балки, серый свет между ставнями. Значит, лечебница. Снова.

Тело отозвалось тупой, ноющей болью, которая уже стала привычной, как этот потолок. Ныли ноги — от вчерашней попытки встать, от напряжения, которое она не замечала, пока боролась с собственным телом. Ныла спина — от жёсткой постели, от того, что она спала в одной позе, боясь повернуться к тени спиной. Ныли пальцы, которые всё ещё помнили холод, хотя она не касалась тени уже несколько дней. Во рту было сухо, горько, будто она жевала мох, и язык казался чужим и распухшим.

Она медленно повернула голову, и первое, что увидела, была тень. Она стояла на том же месте, что и вчера, — у изголовья кровати, ближе, чем когда-либо, почти касаясь деревянной спинки. В сером утреннем свете она казалась тоньше, чем ночью, почти прозрачной, но всё равно узнаваемой. Эля смотрела на неё долго, вглядываясь в сгусток темноты, пытаясь угадать знакомые черты. Плечи. Изгиб спины. То, как он наклонял голову, когда слушал её. Она знала, что это он. Должна была знать. Иначе зачем она вообще здесь?

Она приподнялась на локтях, и тело отозвалось болью — прострелило в пояснице, заныли затёкшие мышцы. Она села, свесила ноги с кровати и почувствовала, как холодный пол обжигает ступни. Дерево было гладким, отполированным годами, но холодным — таким, что пальцы ног непроизвольно сжались. Пахло травами, которые сестра оставляла у кровати, воском и старым деревом — и ещё холодом, который тянул от окна, даже когда ставни были плотно закрыты. Где-то за стеной кашляли — надрывно, с хрипом, и этот звук был таким же привычным, как трещина на потолке. Внизу звенела посуда, кто-то переставлял горшки, а по коридору прошли, и половицы жалобно скрипнули под чьей-то тяжёлой поступью. Лечебница жила своей жизнью, а Эля была в ней чужой — чужой и непрошеной гостьей, которую терпели только потому, что не знали, куда её деть.

Она подняла голову и посмотрела на тень. Пальцы всё ещё дрожали — то ли от слабости, то ли от того, что она боялась того, что сейчас сделает. Она не знала, какой будет этот разговор. Она не знала, будет ли он вообще. Но она знала, что не может больше молчать.

— Ты слышишь меня? — спросила она хрипло. Голос был чужим — сухим, сорванным, будто она и правда кричала всю ночь. В горле пересохло, и каждое слово давалось с трудом.

Тень не ответила.

— Я знаю, что ты слышишь, — повторила она, стараясь говорить твёрже. — Ты просто не можешь говорить. Я понимаю.

Она помолчала, собираясь с мыслями. В голове мелькнуло воспоминание — тёплое, почти забытое, как луч солнца в холодной комнате. Она закрыла глаза, пытаясь удержать его, и позволила себе на мгновение вернуться в тот день.

Они сидели на крыше сарая, и воздух пах сеном и вечерней прохладой. Закат разливал оранжевый свет по горизонту, и Рен смотрел на него, слегка прищурившись. Он провёл пальцами по виску — медленно, задумчиво, будто пытался запомнить каждую деталь этого мгновения. Она спросила тогда, что он делает. Он улыбнулся и сказал: «Хочу запомнить этот момент. С тобой».

Эля открыла глаза и посмотрела на тень.

— Помнишь, как ты делал так? — она провела пальцами по виску, чуть касаясь кожи, повторяя его жест. — Когда мы сидели на крыше сарая и смотрели на закат. Ты всегда так делал, когда говорил, что хочешь запомнить этот момент.

Тень не двигалась. Эля терпеливо ждала, не сводя с неё глаз, боясь моргнуть, боясь, что если отвернётся хотя бы на секунду, то пропустит тот единственный миг, когда она ответит. Сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах — глухой, тяжёлый стук, который заглушал все остальные звуки.

Прошло несколько секунд. Может, десять. Может, вечность. Она не знала, сколько времени прошло на самом деле, потому что каждая секунда растягивалась, превращаясь в бесконечность, полную надежды и страха.

— Пожалуйста, — прошептала она одними губами. Воздуха в лёгких почти не осталось, и она не знала, дышит ли вообще.

И тогда тень шевельнулась. Сначала едва заметно — будто колебалась, собиралась с силами, проверяла, может ли она это сделать. Потом — медленно, с усилием, словно каждое движение стоило ей невероятных усилий, — она повторила жест. Пальцы прошли чуть выше виска, чем следовало, но это было почти правильно. Почти как у него.

Эля выдохнула и не заметила, что задерживала дыхание всё это время. В груди разлилось что-то тёплое, смешанное с болью, — такая надежда, от которой хочется плакать, потому что она слишком хрупкая, чтобы в неё верить, и слишком сильная, чтобы от неё отказаться.

— Ты помнишь, — прошептала она, и голос сорвался на улыбку, которая не дотянулась до глаз. — Ты помнишь.

Она начала говорить. Сначала тихо, почти шёпотом, потом громче, будто пыталась разбудить его, пробиться сквозь эту тягучую тишину, которая висела между ними, густая и непроницаемая, как туман.

— Помнишь, когда мы встретились в приюте? — она говорила, и слова лились сами собой, не давая тишине заполнить комнату. — Ты был таким худым и злым на всех. Ты сидел в углу и ни с кем не разговаривал. А я боялась даже подойти к тебе. Но ты сам пришёл. Сказал: «Не бойся, я буду тебя защищать». И ты защищал. Всегда. Все эти годы.

Она замолчала, глядя на тень. Та чуть заметно дрогнула — или ей показалось? Эля не была уверена, но она решила, что это был ответ. Потому что иначе у неё не было ничего.

— Помнишь то яблоко? — она усмехнулась, но смех вышел горьким, безрадостным, как пепел на языке. — Красное, с коричневым бочком. Ты сказал, что оно самое красивое из всех, что ты видел. Мы сидели на крыше сарая, и ты откусил первым, потом дал мне. Оно было кислым, почти не сладким, но ты говорил, что слаще не пробовал. А я смеялась и говорила, что ты просто никогда не ел нормальных яблок. Ты обиделся тогда, но через минуту уже смеялся вместе со мной.

Тень стала чуть более очерченной, как будто внутри неё что-то откликалось на её голос. Эля прикусила губу, чтобы не заплакать. Она не хотела плакать. Она хотела говорить.

— А когда я упала с того старого дуба, — продолжала она, и голос её дрогнул, — ты нёс меня почти километр до лекаря. Ты кричал на всех: на прохожих, на собак, на торговцев. Ты говорил, что я умру, если кто-то не поможет. А я просто сломала руку. Но ты был таким злым, что лекарь испугался и даже не попросил плату. Ты потом ещё неделю проверял мою повязку каждое утро и вечер, хотя я говорила, что всё уже хорошо. Ты не верил мне. Ты говорил, что я всегда преуменьшаю свою боль.

Она замолчала, чувствуя, как глаза начинает щипать, и сплотнула, чтобы прогнать этот ком, который застрял в горле. Она не хотела плакать. Она хотела, чтобы он её услышал.

— Ты был моим миром, Рен. Всегда.

Тень молчала.

Эля закрыла глаза на мгновение, а когда открыла, в её голове всплыло другое воспоминание. Более личное. Такое, которое принадлежало только им двоим, которое никто другой не мог знать. Она не была уверена, что хочет говорить об этом, но она знала, что должна. Потому что это был тест. Единственный тест, который имел значение.

— Помнишь, как ты любил трогать мои волосы, когда я их только мыла? — спросила она, и голос её стал тише, почти интимным, как будто она боялась, что кто-то подслушает. — Ты садился рядом и проводил пальцами, от корней до кончиков, медленно, будто заплетал невидимую косу. Ты говорил, что они пахнут дождём. Я тогда не понимала, что ты имеешь в виду, но мне нравилось, как ты это делал. Как будто я была чем-то хрупким, что стоило беречь.

Она замолчала, и тишина стала густой и липкой, как патока. Она ждала. Смотрела на тень, пытаясь заставить её говорить, двигаться, хоть как-то дать знать, что он слышит. Она вспомнила, как его пальцы скользили по её волосам, как они были тёплыми и уверенными, и как она закрывала глаза, чувствуя себя в безопасности. Она хотела почувствовать это снова. Хотя бы раз.

— Только ты знаешь это, — прошептала она. — Никто другой.

Тень молчала.

Эля ждала. Она ждала, пока тишина не стала невыносимой, пока в груди не начала разрастаться пустота, которую она пыталась заполнить словами, но слова больше не шли. Она чувствовала, как эта пустота растёт, заполняя всё пространство внутри неё, вытесняя надежду, вытесняя тепло, которое было там мгновение назад.

— Ты слаб, — сказала она наконец, и голос её звучал глухо, будто она говорила сама с собой. — Ты не можешь говорить. Я понимаю. Это нормально.

Но она знала, что это не нормально. Потому что Рен всегда находил способ дать ей знать, что помнит. Даже когда не мог говорить. Он мог сжать её руку. Он мог коснуться её плеча. Он мог просто посмотреть на неё так, что она понимала всё без слов. Но сейчас он не делал ничего.

В этот момент за дверью послышался шёпот. Эля напряглась, подалась вперёд, пытаясь расслышать слова. Голоса были знакомыми — тот же врач, коренастый, с усталым голосом, и ещё один — более звонкий, испуганный, который она не сразу узнала.

— ...она не понимает, что это не он, — говорил звонкий голос. В нём слышалась тревога, почти паника.

— Тише, она услышит, — отвечал врач. Его голос был низким, но настойчивым.

— Но посмотри на эту тень! Она становится только сильнее. Я видела, как она двигается. Тени на стенах начали шевелиться, когда она разозлилась.

— Я знаю. Мы должны дождаться мага. Только он сможет сказать, что это такое.

— А если это проклятие?

Врач помолчал. Эля слышала, как он вздохнул — тяжело, с хрипом, будто ему было больно говорить.

— Тогда мы ничего не сможем сделать.

Эля сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони, и почувствовала, как кожа натянулась, грозясь порваться. В груди поднималась злость — горячая, как кипяток, которая заливала пустоту и не давала ей дышать. Она даже не заметила, как комната стала холоднее, как её пальцы побелели от напряжения, как дыхание перехватило.

— Как они смеют, — прошептала она сквозь зубы. Голос дрожал от ярости, и каждое слово было пропитано горечью. — Как они смеют так говорить о тебе. Они не знают тебя. Они не знают, что ты спас меня.

Тень за её спиной начала темнеть. Сначала едва заметно — просто чуть более насыщенный оттенок серого. Потом — явственно, быстро, как будто кто-то наливал чернила в воду. Её очертания стали плотнее, тяжелее, будто воздух вокруг неё сгустился, превращаясь во что-то осязаемое. Комната стала холоднее. Тени на стенах начали двигаться — медленно, будто просыпаясь, словно оживая. Они тянулись к углам, к потолку, к двери, и Эля чувствовала, как её пальцы немеют от холода, как по спине бегут мурашки, как внутри неё что-то ломается.

— Я никому не позволю так говорить о тебе, — сказала она, и голос её звенел сталью. — Ты слышишь? Никому.

Тень замерла, став почти чёрной, и Эля чувствовала, как она пульсирует, как дышит, как ждёт. Она не понимала, что происходит, но она знала, что Рен рядом. Что он защищает её. Что он не даст никому причинить ей боль.

Тень начала медленно светлеть, возвращаясь к привычной полупрозрачности, и воздух в комнате стал теплее. Эля перевела дыхание и опустила руки. Ладони болели от того, как сильно она их сжимала. Она посмотрела на них и увидела следы от ногтей — глубокие, покрасневшие.

Вечером, когда солнце уже садилось и комната погрузилась в полумрак, Эля снова заговорила. Она лежала на кровати, глядя в потолок, и думала о том, что будет завтра. О том, как она будет пытаться встать. О том, как будет снова говорить с тенью. О том, как будет ждать ответа, которого не будет.

Она не знала, сколько времени прошло. Может, час. Может, два. Она просто лежала и слушала, как лечебница затихает, как голоса стихают, как шаги становятся реже, как наступает ночь.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она тихо, не поворачивая головы. — Ты не ушёл. Ты обещал не бросать меня. Ты помнишь?

Она повернулась к тени. Та стояла неподвижно у кровати, почти прозрачная в лунном свете, который пробивался сквозь ставни. Эля смотрела на неё долго, вглядываясь в темноту, пытаясь найти в ней что-то, что напомнило бы ей о нём.

Она протянула руку — медленно, почти боязливо, и коснулась того места, где должна была быть его грудь. Но пальцы прошли сквозь неё. Прохладно. Пусто. Ничего. Ни тепла, ни кожи, ни биения сердца. Только холод, который пах железом и забытыми воспоминаниями.

Эля отдернула руку и подтянула колени к груди, обхватив их руками. Она чувствовала, как одеяло пахнет чужим домом, как ткань грубая и холодная, как воздух вокруг неё становится всё тяжелее.

— Ты не можешь говорить, — прошептала она. — Я знаю. Но ты можешь слушать. И этого достаточно.

Она повернулась к стене и закрыла глаза. Она слышала, как её дыхание становится ровнее, как сердце замедляется, как мысли начинают путаться, уступая место усталости. Она знала, что он рядом. Она знала, что он не ушёл.

— Я люблю тебя, Рен, — сказала она в темноту. — Я никогда не перестану верить в тебя. Тень стояла у кровати и молчала.

Эля знала: он слышит. Она не знала, как, но знала. Потому что иначе — что останется?

Она закрыла глаза и позволила себе поверить в это ещё одну ночь. Ещё одну. Пока тишина не перестала быть такой громкой.

Глава 4. Следы чужой магии

Эля проснулась от голосов в коридоре.

Они были тихими, но настойчивыми — двое мужчин говорили так, будто не хотели, чтобы она слышала, но не могли молчать. Один голос она узнала: лекарь, коренастый, с усталой хрипотцой. Второй был глубже, ровнее, с лёгкой хрипотцой, будто у человека, который много молчит и редко повышает голос. Эля не разбирала слов, но чувствовала напряжение в воздухе — оно висело над ней, как грозовая туча.

Она села на кровати, и тело отозвалось привычной болью. Ноги ныли, спина затекла, пальцы дрожали. Она посмотрела в угол. Тень стояла на том же месте, что и вчера, — у изголовья, почти касаясь деревянной спинки. В сером утреннем свете она казалась тоньше, чем ночью, почти прозрачной, но всё равно узнаваемой.

Дверь открылась. Вошёл лекарь. Он выглядел уставшим, но собранным — как человек, который привык сообщать плохие новости и уже не ждал хороших.

— Доброе утро, — сказал он, останавливаясь у кровати. — Сегодня к нам пришёл маг из храма. Он хочет осмотреть твою... тень. Он может помочь понять, что это такое.

Эля смотрела на него и видела: он боится. Не её. Тени. Он не смотрел в угол, но его плечи были напряжены, и он то и дело переводил взгляд с Эли на дверь, будто ждал, что тень может сорваться с места.

— Ты позволишь ему? — спросил лекарь.

Эля кивнула. Она хотела знать правду. Даже если правда была страшной.

Лекарь вышел, и через минуту в дверь вошёл другой человек.

Он был старше лекаря, но не старым — лет сорока, с тёмными волосами, тронутыми сединой на висках. Одет он был в светлые одежды с вышитыми символами, которые Эля не узнала: серебряные линии, круги, спирали, складывающиеся в узоры, похожие на ветви деревьев. На поясе у него висел небольшой мешочек, а на шее — тонкая цепочка с бледным камнем, который мерцал при каждом движении. Лицо его было усталым, но глаза — тёплыми. Такими, какими смотрят на больных, когда хотят облегчить их страх.

Он не смотрел на тень сразу. Сначала на Элю, на её руки, на её лицо, на круги под глазами, на бледную кожу. Он долго смотрел, будто читал её состояние по каким-то только ему известным знакам. Потом медленно перевёл взгляд в угол.

И замер на мгновение.

Не испуганно, а внимательно. Как человек, который видит что-то необычное и пытается понять, с чем имеет дело.

— Это тень твоего... напарника? — спросил он тихо. Голос у него был ровный, но в нём слышалось осторожное уважение. Не страх, а скорее настороженность.

Эля кивнула, не сводя с него глаз.

— Меня зовут Льюис, — сказал он, и его голос смягчился. — Я из храма Светлой Памяти. Я не буду делать ничего, что причинит тебе боль. Но мне нужно понять, что это за связь. Ты позволишь?

Он сделал шаг вперёд, но не к тени — к Эле. Он сел на стул у кровати, не отворачиваясь от неё, и смотрел так, будто у него было всё время мира.

Эля смотрела на него, и в груди у неё что-то дрогнуло. Она не знала, можно ли ему доверять. Но она знала, что у неё нет выбора.

— Что ты будешь делать? — спросила она.

— Просто посмотрю, — ответил Льюис. — Как тень связана с тобой. Как она движется. Как она реагирует на свет. Я не буду пытаться её разорвать или отделить. Это может быть опасно.

— Опасно для неё? — Эля напряглась.

— Опасно для тебя, — мягко сказал Льюис. — Она не делима от тебя. Если я попытаюсь её отнять — ты можешь не выжить.

Тишина повисла в комнате. Эля смотрела на мага, потом на тень, потом снова на мага.

— Хорошо, — сказала она. — Делай.

Льюис поднялся и сказал, что в лечебнице работать с тенью опасно — слишком мало места, слишком много страха, который может повлиять на результат. Нужно идти в храм, где есть простор и световые печати, которые помогут ему понять природу связи.

Эля попыталась встать сама, но ноги подкосились. Её качнуло, и она схватилась за спинку кровати, чувствуя, как пальцы немеют от напряжения. Сестра, которая стояла у двери, сделала шаг вперёд, чтобы помочь, но Эля отстранилась.

— Я сама, — сказала она.

Она сделала шаг — и упала. Боль прострелила ноги, колени ударились о холодный пол, и она почувствовала, как грязь прилипает к ладоням. Воздух перехватило, и она замерла на мгновение, пытаясь дышать.

Маг подхватил её под руку. Он не сказал «я же говорил». Он просто ждал, пока она переведёт дыхание, и спросил:

— Могу я помочь тебе встать?

Эля хотела отказаться, но она знала, что не сможет идти сама. Она кивнула, и он поднял её, мягко, но уверенно, давая ей опереться на его руку. Ладонь у него была тёплой и сухой, и Эля почувствовала, как дрожь в коленях начинает утихать.

Они пошли по коридорам лечебницы.

Эля смотрела по сторонам, и ей казалось, что она видит это место впервые. Она не помнила, как сюда попала, и теперь каждый шаг открывал перед ней новые детали: белые стены, покрытые трещинами, запах трав и воска, смешанный с холодом, который тянул от окон. Свет ламп плясал на полу, и тени от них двигались, словно живые. Где-то за дверью кашляли — надрывно, с хрипом. Где-то плакал ребёнок, и этот звук разрывал тишину, заставляя Элю сжимать зубы.

Они вышли на крыльцо, и Эля зажмурилась.

Солнце било в глаза — ярко, до боли. Она не видела света уже две недели, и он казался ей чужим, почти враждебным. Она прищурилась, прикрывая глаза ладонью, и медленно открывала их. Ветер был холодным, обжигал лицо, пах мокрым камнем и углём. Город жил своей жизнью: кричали торговцы, скрипели повозки, где-то звенело железо — кузнец работал неподалёку, и звук молота разносился по улице. Где-то слышался смех детей, где-то женский голос звал кого-то по имени. Воздух был сырым и тяжёлым, пропитанным запахом дыма, конского навоза и влажной земли.

Эля сделала шаг вниз, и земля под ногами показалась ей зыбкой. Она чувствовала, как дрожат ноги, как пальцы сжимают руку мага, как сердце колотится в груди.

Люди заметили её не сразу. Сначала просто смотрели, как на любого, кто выходит из лечебницы, — равнодушно, мимоходом. Потом их взгляды задерживались. Скользили по её лицу, по бледной коже, по кругам под глазами. Потом по тени за её спиной — тонкой, почти невидимой на солнце, но всё равно угадываемой.

И взгляды менялись.

Кто-то отворачивался. Кто-то крестился, шепча что-то себе под нос. Женщина в сером платке, которая стояла у колодца, увидела тень, вскрикнула и прижала ребёнка к себе, будто Эля могла заразить его просто взглядом. Мужчина с телегой остановился, уставился на неё, и челюсть его отвисла. Дети, которые играли в стороне, перестали смеяться и замерли, глядя на неё с открытыми ртами.

— Проклятая, — услышала она шёпот. — Труповодка.

— Смотри, тень за ней идёт.

— Не подходи, она принесёт беду.

Эля сжала зубы так сильно, что челюсть заныла. Она хотела крикнуть им: «Он не проклятие! Он спас меня! Он пожертвовал собой!» Но она молчала. Она знала, что слова не помогут. Они видели только тень. Они не видели Рена.

Она шла вперёд, стараясь не показывать, как дрожат её ноги, как воздух обжигает лёгкие, как каждая секунда на улице кажется вечностью. Она чувствовала на себе взгляды людей, сотни взглядов, которые проходили сквозь неё, осуждая её за то, что она не могла изменить.

Маг был рядом. Он не убирал руку, не ускорял шаг, не смотрел на людей. Он смотрел только перед собой, как будто их не существовало. И Эля чувствовала, что это помогает ей идти.

Они дошли до храма.

Он стоял на небольшой площади, окружённый старыми деревьями. Белый камень, высокие потолки, колонны, украшенные серебряными узорами. Внутри было тихо — тихо, как на дне колодца. Пахло ладаном, старыми свитками и воском. Свет пробивался сквозь витражи, и он танцевал на полу разноцветными пятнами, делая комнату похожей на подводный мир.

Маг провёл её в центр зала, где на полу был выложен круг — серебряные линии, спирали, символы, которых Эля не узнала. Они мерцали в свете ламп, словно живые.

— Встань в центр, — сказал Льюис. — Я не буду делать ничего, что навредит тебе. Я только посмотрю, как тень связана с тобой.

Эля сделала шаг в круг. Пол был холодным, и она чувствовала, как камень обжигает ступни. Тень стояла рядом — почти касаясь её плеча, как будто искала поддержки.

— Я начну, — сказал Льюис. — Если станет слишком тяжело — скажи.

Он начал говорить слова, которых Эля не понимала. Они лились ровно, глухо, как вода, и печати на полу начали загораться. Сначала слабо — едва заметное свечение, которое танцевало по краям круга. Потом ярче, быстрее, и комната наполнилась светом, который пульсировал в такт его голосу.

Эля почувствовала, как воздух становится тяжелее, будто кто-то давит на неё сверху. В груди стало холодно. Пальцы начали неметь. Она сжала зубы, стараясь не показывать страха.

Тень начала дрожать.

Эля чувствовала это — не видела, а чувствовала, как холод разливается по телу, как что-то внутри неё сжимается, как тень тянется к ней, обвивая её плечи, защищая от света. Она не оттолкнула её — она не могла. Тень была частью её теперь.

— Достаточно, — сказал Льюис, и печати погасли. Комната снова погрузилась в полумрак, и Эля почувствовала, как воздух становится легче.

Она пошатнулась. Льюис подхватил её под руку и усадил на скамью у стены. Он сел напротив неё, на корточки, заглядывая в глаза.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — выдохнула Эля. Она чувствовала, как руки дрожат, как в груди всё ещё холодно. Льюис помолчал, собираясь с мыслями.

— Это похоже на Ноктарскую магию, — сказал он медленно. — Но не совсем. В ней есть что-то чужое. Что-то, чего я не узнаю. Тень связана с тобой не как обычное проклятие. Она не отделима от тебя. Если я попытаюсь разорвать связь, это может тебя убить.

Эля слышала только одно слово: Ноктарская.

— Значит, это они, — сказала она, и голос её дрожал от злости. — Ноктары сделали это с ним. Они убили его и превратили в тень.

Льюис покачал головой. Он говорил мягко, но настойчиво:

— Я не говорю, что они сделали это. Я говорю, что это похоже на их магию. Но это не совсем их магия. Тени Ноктаров живут своей жизнью. Эта тень живёт твоей жизнью. Она питается тобой.

— Значит, я должна избавиться от неё? — Эля сжала кулаки.

— Нет, — твёрдо сказал Льюис. — Ты должна понять её. Только тогда ты сможешь решить, что делать дальше. Но я не могу помочь тебе здесь. В этом городе нет знаний о таких связях. Ты должна искать ответы там, где она возникла.

Эля подняла голову и посмотрела на него. Она знала, что он скажет.

— Где?

Льюис вздохнул.

— Там, где умер Рен. В Ноктарских землях.

Тишина повисла в храме. Эля смотрела на него, и в её глазах не было страха. Только решимость.

— Тогда я пойду туда.

— Это опасно, — сказал Льюис. — Ты не выживешь одна. В Ноктарских землях тебя убьют, даже если ты просто будешь идти по дороге.

— Тогда я найду того, кто поможет мне выжить, — сказала Эля.

Она поднялась. Ноги дрожали, но она стояла.

— Спасибо, — сказала она Льюису.

Он кивнул, и в его глазах было что-то похожее на уважение.

— Будь осторожна, Эля. И помни: тень не враг тебе. Но она не всегда будет делать то, что ты хочешь.

Эля не ответила. Она повернулась и пошла к выходу.

На улице было холодно. Солнце уже клонилось к закату, и город погружался в сумерки. Люди не смотрели на неё — или делали вид, что не смотрят. Но Эля чувствовала их взгляды на спине.

Она шла вперёд, и тень следовала за ней.

Она вернулась в лечебницу, села на кровать и посмотрела в окно. Город за окном медленно затихал, погружаясь в темноту. Эля смотрела на тень, и в её глазах больше не было растерянности. Только холодная решимость.

— Я вернусь туда, — сказала она. — Я узнаю, что с тобой случилось. Я не позволю тебе остаться тенью.

Тень стояла у окна и молчала.

Эля закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Завтра она пойдёт в гильдию. Она найдёт того, кто проведёт её через Ноктарские земли. Она найдёт ответы.

— Я найду их, — прошептала она в темноту. — Даже если это убьёт меня.

Тень стояла рядом и молчала. Но Эля чувствовала её присутствие. Она знала, что он с ней. Всегда.

Глава 5. Гильдии, где храбрость закончилась

Эля проснулась за час до рассвета. Не от кошмара — в этот раз он не пришёл, — а от тишины, которая была слишком громкой. Лечебница спала: за стеной не кашляли, в коридоре не скрипели половицы, даже ветер затих. Только её собственное дыхание и холод, который тянул от угла, где стояла тень.

Она села, и тело отозвалось привычной болью. Ноги ныли, пальцы дрожали. Но она знала: сегодня она уходит. Она оглядела комнату, в которой провела две недели. Белые доски потолка, тазик у кровати, запах воска и трав. Всё это стало привычным, и покидать это было странно. Как будто она оставляла часть себя здесь.

Она встала, нашла свою одежду — куртку с запахом старого костра, рубашку с тёмными пятнами на рукавах. Она прижала ткань к лицу и вдохнула запах металла и страха.

— Я иду, — сказала она тихо. — Я найду того, кто проведёт нас.

Тень стояла у стены и молчала.

Она вышла из лечебницы, когда первые лучи солнца только начинали золотить крыши. Воздух был холодным, пах мокрой землёй и углём. Город просыпался: где-то скрипнула калитка, залаяла собака. Эля пошла вперёд, и тень скользнула за ней.

Первая гильдия находилась на центральной площади. Здание было большим, двухэтажным, с вывеской «Гильдия Северного Клинка». Эля толкнула тяжёлую дубовую дверь и вошла.

Её встретил шум. Гул голосов, грохот кружек, звон монет, скрежет стали о точильный камень. Воздух был густым, тёплым и влажным, пропитанным запахом пота, пива, жареного мяса и старой кожи. Вдоль стен стояли столы, за которыми сидели наёмники — здоровые, грубые, с оружием на коленях. На полу валялись окурки, стружка, куски верёвок.

Эля подошла к стойке. Мужчина за ней — лысый, с толстой шеей — поднял взгляд.

— Мне нужен проводник, — сказала она, стараясь говорить ровно. — До Ноктарских земель.

Он хмыкнул, оглядел её с ног до головы — бледную, худую, в потёртой куртке, с кругами под глазами. Потом перевёл взгляд за её спину и замер.

Тень стояла у неё за плечом. На свету она казалась тонкой, почти прозрачной, но всё равно угадываемой. От неё тянуло холодом.

— Мы не берём такие заказы, — сказал он, и голос стал на тон ниже.

— Что значит «такие»? — Эля сжала кулаки.

— Такие, — он кивнул в сторону тени. — Мы не работаем с труповодками.

Она хотела возразить, сказать, что это не труп, что это Рен, что он спас ей жизнь. Но мужчина уже отвернулся: «Следующий!» Кто-то усмехнулся. Она слышала слово «труповодка» и чувствовала, как оно обжигает уши.

Она развернулась и вышла. Дверь хлопнула за ней.

Вторая гильдия была меньше. Она стояла в узком переулке, зажата между лавкой оружейника и таверной. Над входом висела вывеска с черепом. Эля толкнула дверь — она была скрипучей и тяжёлой.

Внутри было темно. Свет пробивался сквозь узкие окна, оставляя на полу полосы, в которых танцевала пыль. Наёмников было меньше, но они выглядели опаснее — сухие, жилистые, со шрамами на лицах. Один у стены точил нож, и звук металла о камень был единственным.

Эля подошла к стойке. За ней стояла женщина — высокая, с тёмными волосами, собранными в тугий пучок, и глазами, которые ничего не пропускали.

— Мне нужен проводник до Ноктарских земель.

Женщина посмотрела на неё, потом за её спину. Тень стояла там, и в полумраке она казалась плотнее.

— Нет, — сказала женщина, и голос её был ровным, как лезвие.

— Я заплачу.

— Деньгами? — женщина усмехнулась. — Твои деньги здесь не нужны. Мы не работаем с проклятыми.

Она махнула рукой, и два наёмника поднялись из-за столов. Они не подошли, просто встали и сложили руки на груди, глядя на Элю в упор. Молча. Но угроза была ясна.

Эля стояла, чувствуя, как взгляды наёмников скользят по ней, как воздух становится тяжелее. Она не двигалась, не говорила. Просто смотрела на женщину, и её зубы были сжаты так сильно, что челюсть заныла.

— Убирайся, — сказала женщина. — Пока мы не сделали это сами.

Эля развернулась. Наёмники не шелохнулись, но она чувствовала их взгляды на спине. Дверь скрипнула за ней.

Третья гильдия была в самом низу города, там, где улицы сужались, а запахи становились резче. Это была пристройка к таверне — грязная, с облупившейся краской и вывеской «Кровавая Тень», которая висела на одном гвозде. Эля вошла.

Внутри было шумно. Очень шумно. Кричали, смеялись, стучали кружками. Воздух был густым от дешёвого пива, пота и табачного дыма. За столами сидели наёмники — грубые, с рваными рубашками, с оружием, которое никогда не чистили. В углу играли в кости, кто-то громко матерился, проигрывая.

Когда Эля вошла, они оглянулись. Один из них — толстый, с красным лицом и лысиной — ухмыльнулся.

— Что это за девка с мёртвым хвостом? — сказал он громко, чтобы слышали все.

Другие засмеялись. Смех был грубым, хриплым, как ржавый нож.

— Невеста тени! Ходячая могила!

— Эй, девка! Ты ищешь проводника? Тебе нужен некромант, а не проводник!

Смех стал громче. Эля слышала, как стучат по столам, как кто-то кричит: «Тень в светлой коже!», как кто-то свистит. Она стояла у стойки, стараясь говорить ровно, но голос срывался:

— Мне нужен проводник до Ноктарских земель.

— Ноктарских?! — толстяк схватился за живот. — Слышите? Она хочет в Ноктарские земли! Несите ей гроб, ребята!

— Подожди, — сказал другой наёмник, подходя ближе. — Девка, а где ты тень нашла? Сама сделала или купила?

— Заткнитесь, — сказала она тихо.

— Что? — толстяк притворился, что не слышит.

— Я сказала, заткнитесь! — крикнула она, и крик прозвучал пронзительно, как удар хрусталя о камень.

И в тот же миг она почувствовала это. Холод. Он родился не снаружи, а внутри неё — где-то в груди, у позвоночника, и начал подниматься вверх, к затылку, медленно, как вода, заливающая колодец. Каждый позвонок отзывался ледяной болью, и она почувствовала, как пальцы начинают неметь, как будто она сунула руки в снег. Воздух перехватило, и на мгновение ей показалось, что она не может дышать.

Это было не страшно. Это было странно. Она не понимала, что происходит, но чувствовала, как тень за её спиной начинает меняться, как воздух вокруг неё становится тяжелее, как холод разливается по комнате, касаясь каждого, кто был рядом.

Тень начала темнеть. Сначала едва заметно, потом явственно, быстро, будто кто-то наливал чернила в воду. Её очертания стали плотнее, тяжелее, почти осязаемыми. Комната стала холоднее. Люди перестали смеяться.

— Что это? — прошептал кто-то.

Тень качнулась, и стёкла на столе задрезжали. Один из наёмников отшатнулся, задев табурет. Тот упал с глухим стуком, и звук разнёсся по комнате, как выстрел.

— Она проклята! — крикнул кто-то.

— Убейте её!

Эля не понимала, что происходит. Но она чувствовала, как холод поднимается выше, как он касается её затылка, как пальцы становятся непослушными, как дыхание перехватывает. Она видела, как люди отступают, как их лица искажаются страхом, как они хватаются за ножи и мечи. Она чувствовала, как тень становится плотнее, как она тянется к ней, как холод связывает их вместе.

Она развернулась и выбежала из гильдии.

Она стояла в переулке, прислонившись к холодной стене, пытаясь отдышаться. Ноги дрожали, в груди колотилось сердце. Пальцы всё ещё были онемевшими, и она сжимала их в кулаки, пытаясь вернуть чувствительность.

— Прости, — прошептала она тени. — Я не хотела.

Тень медленно светлела, возвращаясь к привычной полупрозрачности. Холод внутри неё начал отступать, но пальцы всё ещё покалывало, и она чувствовала слабость в ногах.

Она не знала, куда идти. Она уже почти готова была сдаться, когда кто-то коснулся её плеча.

Она резко обернулась. Перед ней стоял старик. Он был старше всех, кого она видела в гильдиях, — с седой бородой, морщинистым лицом и глазами, которые видели слишком много. Он опирался на трость, но держался прямо.

— Ты ищешь того, кто поведёт тебя в Ноктарские земли? — спросил он. Голос его был низким, хриплым, но тёплым.

— Откуда ты знаешь? — спросила Эля.

— Я слышал, как ты кричала, — он усмехнулся. — И видел, как ты вылетела из гильдии. Это была ты?

Эля кивнула.

— Я знаю, кто тебе нужен, — сказал он. — Полукровка по имени Аскар. Он знает Ноктарские дороги. Умеет выживать на границе. И не боится теней.

— Где я могу его найти?

Старик указал тростью в сторону узкой улицы, которая уходила вниз, к реке.

— Нижний город. Таверна «Мёртвый путник». Но предупреждаю: он не герой. Он опасен. Он холоден. Но он единственный, кто согласится.

— Спасибо, — сказала Эля.

Старик кивнул.

— Не жди от него доброты. Просто заплати — и иди за ним.

Эля повернулась и пошла вниз, в тень города. Тень следовала за ней.

Она шла по узким улицам, где дома стояли так близко, что небо превращалось в тонкую полосу над головой. Пахло сточными водами, гнилыми фруктами и углём. На ступенях сидели люди — худые, грязные, с пустыми глазами. Дети бегали босиком по камням, их смех был резким, почти отчаянным.

Она чувствовала на себе взгляды. Они скользили по ней, оценивая, прикидывая, стоит ли подходить. Но тень за её спиной сдерживала их. Она была тёмной, почти чёрной, и от неё тянуло холодом.

Эля шла вперёд, не оглядываясь.

Она подошла к таверне «Мёртвый путник» — низкому, тёмному зданию с вывеской, на которой был изображён скелет с кружкой пива. Изнутри доносился гул голосов, запах дешёвого вина и дыма.

Она толкнула дверь.

Тень скользнула за ней. Она была готова.

Глава 6. Аскар

Она толкнула дверь, и таверна выдохнула ей в лицо. Тепло ударило смесью запахов — дешёвого вина, старого дерева, прогорклого жира и сырости, которая въелась в каждую щель. Эля замерла на пороге, давая глазам привыкнуть к полумраку после холодной ночной улицы. Ресницы слиплись от влажного воздуха, и она моргнула несколько раз, прежде чем смогла разглядеть зал.

Было темно. Свет только от пары масляных ламп, которые чадили у стойки и в углу. Огонь дрожал, отбрасывая длинные, ломкие тени на стены. За столами сидели люди — те, кто не хотел, чтобы их помнили. Они не смотрели на неё. Нарочитое равнодушие, которое бывает только там, где каждый знает: чужая беда слишком быстро становится своей. Эля чувствовала их взгляды на себе, даже не видя их. Тяжёлые, как прикосновение мокрой ткани.

Она сделала шаг вперёд, и половица жалобно скрипнула под ногой. Пол был липким от пролитого пива, и подошвы сапог прилипали к нему с тихим чваканьем. Она подошла к стойке. Бармен — сухой, с лицом без возраста, которое будто вырезали из старой кожи, — поднял на неё взгляд. Он не спросил, что ей нужно. Просто ждал.

— Мне нужен Аскар, — сказала она. Голос прозвучал глухо в этом тягучем воздухе.

Бармен кивнул в угол. Не говоря ни слова.

Эля повернулась и пошла в указанном направлении, огибая столы. Кто-то за её спиной кашлянул. Кто-то хрипло рассмеялся — одинокий, короткий звук, который сразу утонул в гуле голосов. Она чувствовала, как тень скользит за ней, холодная и тонкая, почти невесомая. От неё тянуло свежестью, как от ледяной воды, и этот холодок был единственным, что не давало ей забыть, где она и зачем пришла.

За дальним столиком, в самом тёмном углу, сидел мужчина. Она увидела его ещё до того, как он поднял на неё взгляд. Высокий. Широкий в плечах. Он занимал всё пространство между стеной и соседним столом — казалось, ему было тесно даже здесь. Сидел один, не пил, не смотрел по сторонам. Просто сидел, сложив руки на столе. Ладони у него были крупными, с тёмными венами, которые проступали под смуглой кожей. На поясе — два ножа в потёртых ножнах. Одежда тёмная, потёртая, но ухоженная. Чистая. Он не был похож на остальных.

Эля подошла и остановилась напротив. Он не поднял головы. Секунду она стояла в неловкой тишине, чувствуя, как тянутся мышцы спины, как ноют ноги от долгого пути.

— Ты Аскар? — спросила она.

Он медленно поднял глаза. Тёмные. Глубокие. Без выражения. Она видела, как он окидывает её взглядом — быстро, привычно, как оценивают угрозу. Сначала лицо, потом руки, потом то, как она стоит. Он заметил дрожь в её коленях. Она знала, что он заметил.

— Кто спрашивает? — голос у него был низким и хриплым, будто он редко говорил и не привык тратить слова.

— Эля. Мне нужен проводник.

Он смотрел на неё, не двигаясь. Потом перевёл взгляд за её плечо. Туда, где стояла тень. Она почувствовала, как он задержался на ней взглядом — на мгновение дольше, чем на её лице. Тень была почти незаметной в полумраке, но она была. Холодная, тонкая, чуть колышущаяся, как будто дышала. Он смотрел на неё несколько секунд, потом перевёл взгляд обратно.

— Что это? — спросил он. Без страха, без отвращения. Просто вопрос. В нём чувствовалось любопытство, сдержанное, как у человека, который привык не показывать эмоций.

— Неважно, — сказала она. — Мне нужен проводник до Ноктарских земель.

Он не сводил с неё глаз. Потом снова посмотрел на тень, и его лицо чуть изменилось — не испуг, скорее настороженность.

— Это имеет значение, — сказал он. — Потому что я не хочу вести человека с такой штукой за спиной.

— Это не штука, — сказала она, и голос её дрогнул. — Это Рен. Мой напарник. Он спас меня.

Он смотрел на неё, потом снова на тень. Она видела, как он разглядывает её — без страха, но с подозрением. Он не понимал. Он не мог понять.

— Он мёртв, — сказал он.

— Нет, — ответила она. — Он здесь.

Он смотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде удивления. Как будто он не ожидал такого ответа. Он молчал несколько секунд, потом покачал головой.

— Я не знаю, что это, — сказал он. — Я никогда такого не видел.

— Мне не нужно, чтобы ты понимал, — сказала она. — Мне нужно, чтобы ты провёл меня в Ноктарские земли.

Он помолчал. Снова посмотрел на тень. Потом на неё.

— И что ты хочешь там найти?

— Ответы.

— Какие ответы?

— Почему он стал таким. Как его вернуть.

Он смотрел на неё долго. Потом медленно откинулся на спинку стула, и она услышала, как дерево жалобно скрипнуло под его весом. Его лицо было спокойным, но она чувствовала, что он размышляет. Он смотрел на неё, и в его глазах появилась странная усмешка.

— Ты упёртая, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она.

— Садись, — сказал он.

Она села напротив. Стул был низким, и она почувствовала, как ноги дрожат от усталости. Она опёрлась ладонями о стол, чтобы удержать равновесие. Дерево было шершавым, покрытым слоем старого воска.

Он смотрел на неё, и она чувствовала, как он оценивает её — её состояние, её решимость. Он не торопился.

— Деньги, — сказал он. — Сколько у тебя?

Она назвала сумму. Он кивнул, будто ожидал чего-то подобного.

— Хорошо, — сказал он. — Я возьму половину сейчас. Половину — когда вернёмся.

— А если я не вернусь? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Тогда я оставляю себе то, что взял. Как компенсацию за потраченное время.

Она достала кошелек из-под куртки. Пальцы дрожали, и она слышала, как монеты звенят внутри. Она отсчитала половину, положила на стол. Он не считал монеты — просто убрал в карман.

— Завтра на рассвете, — сказал он. — У восточных ворот. Если опоздаешь — уйду.

— Я приду.

Он смотрел на неё, потом снова на тень.

— И ещё, — сказал он. — Я не знаю, что это. Я никогда такого не видел. Я не знаю, как с этим бороться. Если она сделает что-то... я не смогу тебя защитить.

— Я знаю, — сказала она.

— Ты уверена?

— Да.

Он смотрел на неё долго, потом медленно кивнул.

— Тогда завтра.

Она встала, чувствуя, как мышцы спины и ног протестуют. Она взялась за край стола, чтобы не покачнуться, и сделала шаг назад. Тень скользнула за ней, холодная и почти невидимая.

— Завтра, — повторила она.

Она вышла из таверны, и ночной воздух ударил ей в лицо — холодный, сырой, с запахом мокрых камней и старой грязи. Она постояла на пороге, глядя на пустую улицу. Ветер шуршал по мостовой, гоняя сухие листья. Звёзды были тусклыми за тонкой пеленой облаков.

Она посмотрела на тень. Та стояла рядом, почти касаясь её плеча. Тёмная, безмолвная.

— Он согласился, — сказала она.

Тень молчала.

Она пошла по пустым улицам, чувствуя, как холод проникает под одежду. Город спал, только где-то далеко лаяла собака. Она не знала, сможет ли доверять этому человеку. Но она знала, что другого выхода у неё нет. Она дойдёт до восточных ворот. Она встретит его. А что будет дальше — она узнает, когда придёт время.

Глава 7. Договор с человеком, которому плевать

Эля проснулась затемно. Лечебница ещё спала — за стеной не кашляли, в коридоре не скрипели половицы, даже ветер за окном затих. Только холод, который тянул от угла, напоминал, что она не одна. Тень стояла у стены — там же, где и вчера. Чуть ближе, чем накануне. Или ей просто казалось.

Она села на кровати. Тело отозвалось болью, привычной и тупой. Ноги ныли, пальцы дрожали. Но она знала: сегодня она уходит. Она поднялась, натянула старую куртку. Потом подумала и сунула руку под подушку, нащупала кошель. Монеты звякнули — тихо, почти беззвучно. Она взвесила его в руке. Осталось достаточно. На еду. На снаряжение. На то, чтобы не умереть в первый же день.

Она вышла из лечебницы, когда небо только начинало светлеть. Воздух был холодным и сырым, пахло мокрым камнем и углём. Город просыпался: где-то хлопнула дверь, залаяла собака, послышался звон посуды. Эля пошла вперёд, и тень скользнула за ней.

Аскар ждал её на рыночной площади.

Она увидела его издали — высокий, широкий, он стоял у прилавка с тёплыми вещами и разговаривал с торговцем. Коротко, без лишних слов. Когда она подошла, он мельком глянул на неё, потом на её куртку.

— В этом ты не дойдёшь даже до границы, — сказал он.

— Почему? — Она сжала губы.

— Потому что замёрзнешь. Или промокнешь. Или порвёшь на первом же камне.

Он кивнул торговцу, и тот подал ему тёплую куртку из плотной ткани, тёмный плащ, сапоги на толстой подошве.

Эля смотрела на них.

— Я не просила тебя покупать мне одежду.

— Я и не покупаю, — сказал он. — Ты покупаешь. Я просто показываю, что тебе нужно.

Она сжала зубы. Ей хотелось возразить, но она знала: он прав. Она взяла куртку — та оказалась тяжёлой и тёплой, пахла кожей и травой. Плащ был длинным, почти до колен. Сапоги — грубыми, но удобными.

— Сколько? — спросила она.

Он назвал цену. Она достала кошель и отсчитала монеты. Торговец кивнул, Аскар отвернулся и пошёл дальше. Эля накинула плащ и догнала его.

— Куда теперь?

— За едой. И за лекарствами.

Они прошли через рынок. Узкие ряды, запахи сыра, хлеба, кожи, навоза. Эля чувствовала взгляды людей — короткие, скользкие, как прикосновение холодного воздуха. Никто не смотрел на неё долго. Только один мужчина задержал взгляд на мгновение дольше, чем остальные — и она почувствовала, как внутри шевельнулся холодок. Аскар шёл впереди, будто ничего не замечал.

— Не оборачивайся, — сказал он тихо, когда они остановились у прилавка с вяленным мясом.

— Что?

— За нами следят. Не оборачивайся.

Эля замерла. Она почувствовала, как кожа покрывается мурашками. Тень за её спиной дрогнула — будто тоже услышала. Она хотела посмотреть назад, но сдержалась.

— Кто? — спросила она шёпотом.

— Охотники за проклятыми, — сказал он. — Или просто те, кто хочет продать информацию. Ты привлекла внимание в гильдиях.

— И что нам делать?

— Просто иди за мной. И не корми тень страхом.

Она хотела спросить, что это значит, но он уже пошёл дальше. Она поспешила за ним, чувствуя, как тень становится плотнее, как холод поднимается по позвоночнику. Она пыталась успокоиться, но это было трудно.

Они купили еду — сушёное мясо, хлеб, соль. Купили лекарства — сухие травы, бинты, маленький пузырёк с жёлтой жидкостью. Аскар убрал всё в свой мешок, не говоря ни слова. Потом он остановился и посмотрел на неё.

— Ты готова? — спросил он.

— Да.

— Тогда за мной.

Он свернул в узкий проход между домами. Там было темно и сыро, пахло старой грязью. Эля шла за ним, чувствуя, как тень скользит за ней, как её дыхание становится тяжелее от быстрого шага.

— Мы уходим через водосток, — сказал Аскар. — Там темно, но безопасно.

— Безопасно?

— Безопаснее, чем улицы.

Он отодвинул тяжёлую решётку, и в темноте открылся проход. Эля заглянула внутрь — там было холодно, сыро, пахло стоячей водой и чем-то металлическим. Она чувствовала, как страх поднимается в груди. Тень за её спиной стала плотнее.

— Не бойся, — сказал он. — Просто иди за мной.

Она шагнула в темноту. Ноги коснулись холодной воды — неглубоко, но противно. Она почувствовала, как вода затекает в сапоги, как ткань намокает, как холод поднимается выше. Аскар шёл впереди, уверенно, без колебаний. Она старалась не отставать.

Где-то позади послышались шаги. Кто-то спускался за ними.

— Быстрее, — сказал Аскар, не оборачиваясь.

Эля побежала. Вода плескалась под ногами, стены были мокрыми и скользкими. Она не видела, куда бежит, только слышала дыхание Аскара впереди и шаги за спиной.

Тень стала почти чёрной. Она чувствовала это — холод, который поднимался от позвоночника, как вода, заливающая колодец. Пальцы онемели. Дыхание перехватило.

— Аскар... — прошептала она.

— Беги! — крикнул он.

Она побежала быстрее. Шаги за спиной становились громче, а тень — холоднее. Она чувствовала, как она тянется к ней, как холод обвивает её плечи.

Они выскочили из водостока, когда небо уже начинало светлеть. Поле за городом — пустое, тёмное, с редкими кустами. Аскар остановился, прислушался. Шаги затихли.

— Потеряли, — сказал он.

Эля прислонилась к стене, чувствуя, как дрожит. Пальцы всё ещё были онемевшими, дыхание сбито. Она закрыла глаза и попыталась успокоиться.

— Ты в порядке? — спросил Аскар. В его голосе не было жалости — только проверка.

— Да, — выдохнула она. — Всё нормально.

Она посмотрела на тень. Она медленно светлела, возвращаясь к привычной полупрозрачности. Холод внутри неё начал отступать.

— Ты видишь, — сказал Аскар. — Она реагирует на тебя.

Она хотела возразить, но не нашла слов. Потому что он был прав.

Они пошли по ночной дороге. Город остался позади — серый, холодный, ставший её тюрьмой на две недели. Впереди была темнота, дорога и неизвестность. Эля шла, чувствуя, как тень скользит за ней, как ветер дует в лицо, как Аскар идёт впереди, уверенный и молчаливый.

Она не знала, что их ждёт. Но она знала, что они начали путь. И что она не остановится.

Она сжала кулаки и пошла дальше.

Глава 8. Первый переход

Они остановились, когда солнце уже начало подниматься над горизонтом. Поле осталось позади, впереди темнел лес — густой, но не враждебный. Просто лес. Дорога, которая вела дальше.

Эля опустилась на мокрую траву, чувствуя, как ноги дрожат от усталости. Она не хотела останавливаться, но тело больше не слушалось. Аскар молча скинул мешок с плеча, достал хлеб и вяленое мясо, протянул ей.

Она покачала головой.

— Не хочу.

Он не убрал руку. Просто смотрел на неё, и в его взгляде не было ни жалости, ни раздражения. Только ожидание.

— Если ты упадёшь, — сказал он, — я не понесу тебя. Мне нужен живой клиент, а не мешок с костями.

— Я не упаду, — сказала она.

— Ты уже упала. Дважды. На ровном месте.

Она сжала зубы, но взяла хлеб. Откусила маленький кусочек, почувствовала, как сухой хлеб царапает горло. Он был пресным, почти безвкусным. Она жевала, глядя вперёд, на тёмную стену деревьев.

Аскар сидел рядом, не глядя на неё. Он не задавал вопросов, не утешал, не объяснял. Просто сидел и ждал, пока она доест. Потом встал, поднял мешок и пошёл вперёд. Она пошла следом.

Они вошли в лес.

Было холодно. Ветки над головой сплетались в плотный шатёр, и солнечный свет почти не пробивался сквозь них. Пахло мокрой корой, прелыми листьями и землёй. Тишина была густой, как вода. Только их шаги и дыхание нарушали её.

Эля шла за Аскаром, стараясь не отставать. Ноги уже болели — икры ныли, пальцы саднило в тёплых сапогах. Она чувствовала, как пот скатывается по спине, как воздух становится тяжелее. Но она молчала. Она не хотела признаваться, что устала.

Аскар не оборачивался. Но она заметила, что он замедлил шаг. Сначала чуть-чуть, потом ещё. Он не сказал ни слова. Просто шёл чуть медленнее, чем мог бы. Она не знала, делал ли он это специально, но мысль о том, что он замечает её слабость, злила её.

— Я не такая слабая, как кажусь, — сказала она в спину.

Он не обернулся.

— Я знаю, — сказал он.

— Тогда почему ты замедлился?

— Потому что мне не нужен труп на второй день.

Она хотела огрызнуться, но не нашла слов. Потому что он был прав.

Они шли до вечера. Лес постепенно редел, и они вышли к небольшой поляне, окружённой старыми дубами. Земля здесь была суше, и ветер не чувствовался. Аскар скинул мешок, собрал сухие ветки и зажёл костёр. Эля села у огня, чувствуя, как тепло обжигает лицо.

Она смотрела в огонь и чувствовала присутствие тени. Та стояла на границе света, почти невидимая, но она была здесь. Всегда.

— Рен, — прошептала она. — Спасибо, что не бросил меня.

Она не знала, услышал ли он. Она не знала, мог ли он вообще слышать. Но она не могла молчать.

Аскар сидел напротив неё, глядя в огонь. Он ничего не сказал. Но когда она посмотрела на него, его лицо было спокойным, и она не могла понять, что он думает.

Она заснула, когда небо уже потемнело. Сон пришёл быстро, и она снова увидела лес. Тот самый. Чёрный, мокрый, с ветками, которые хлестали по лицу. Рен бежал рядом с ней, держа за руку, но его рука становилась всё слабее.

— Ещё немного, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

Они бежали. Она чувствовала, как воздух обжигает лёгкие. И вдруг он упал. Она увидела болт в его спине, и кровь хлынула из раны.

— Смотри на меня, — сказала она. — Рен, смотри на меня!

Но он уже не смотрел. Его глаза были пустыми. Шаги за спиной становились громче, и она крикнула:

— Не бросай меня! Не бросай меня!

И в этот момент шаги замедлились. Она слышала, как они замедлились, как будто кто-то остановился на мгновение.

Она проснулась с криком.

Костер уже почти погас, остались только тлеющие угли. Аскар сидел на том же месте и смотрел на неё. В темноте она не видела его лица, только силуэт.

— Я слышал, — сказал он.

Она молчала.

— Ты кричала, — сказал он.

Она сжала зубы и ничего не сказала. Только смотрела в темноту и чувствовала, как тень рядом, холодная и почти невидимая.

Аскар не стал спрашивать, что она видела. Он просто подбросил ветку в огонь, и пламя снова зажглось.

— Отдыхай, — сказал он. — Завтра будет тяжелее.

Эля закрыла глаза. Она не знала, что будет дальше. Она знала только, что он прав. И что она не остановится.

Глава 9. Первое проявление тени

Лес остался позади, и дорога вывела их на старый тракт. Он был пустынным, с редкими кустами по краям, которые шелестели на ветру. Солнце стояло высоко, и воздух казался сухим и пыльным. Эля шла за Аскарком, чувствуя, как тень скользит за ней, почти невесомая.

Она уже начала привыкать к её присутствию. Привыкла к холоду, который тянул от неё, к тому, что она всегда была там, за спиной. Она почти не оборачивалась, чтобы проверить, не исчезла ли она. Почти.

— Долго ещё? — спросила она.

— До вечера, — сказал Аскар, не оборачиваясь.

— А где мы будем ночевать?

— Там, где остановимся.

Она не стала спрашивать дальше. Она шла, чувствуя, как болят ноги, как спина ноет от тяжёлого плаща. Но она не жаловалась.

Внезапно он остановился. Она чуть не врезалась ему в спину и отшагнула в сторону. Он смотрел вперёд, на дорогу, и его плечи были напряжены.

— Тихо, — сказал он.

Она прислушалась. Шаги. Кто-то шёл по дороге. Не один.

Из-за поворота показались четверо мужчин. Грязные, потрёпанные, с оружием в руках. Они ухмылялись, глядя на них, как на лёгкую добычу. Эля почувствовала, как внутри всё сжимается.

— О, смотрите, — сказал широкий, сплёвывая на землю. — У нас здесь путники.

— Оставьте деньги и вещи, — сказал тощий, с гнилыми зубами. — И мы позволим вам уйти.

Аскар не двигался. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на них.

— У нас нет денег, — сказал он.

— Врёшь, — сказал широкий. — У девки есть кошель.

Эля прижала руку к боку, где лежал кошель. Они засмеялись.

— Она ещё и прячет, — сказал тощий. — Хорошая девка. Будет послушной.

Коренастый шагнул вперёд. Он облизнул губы и посмотрел на Элю так, что ей захотелось провалиться сквозь землю.

— А девка-то ничего, — сказал он. — Худая, конечно, но это поправимо. Слушай, здоровяк, — он обратился к Аскару, — ты иди своей дорогой, а её оставь нам. И мы тебя отпустим. Живым.

Эля смотрела на Аскара, надеясь, что он скажет что-то. Он молчал.

— Я не продаю людей, — сказал он наконец.

— А мы и не просим продавать, — сказал тощий. — Мы просим просто уйти. Оставить её нам. Она сама скажет тебе спасибо, когда мы будем с ней ласковы.

Они засмеялись. Грубо, хрипло, как ржавый нож.

— Такая худая, — сказал коренастый, подходя ближе. — Будет больно, конечно, но боль — это часть удовольствия. Верно, красавица?

Эля сжала кулаки. Внутри неё что-то поднималось — тёмное, горячее, что требовало выхода. Что-то, что она не могла остановить.

— Заткнитесь, — прошептала она.

— Что? — широкий наклонился к ней.

— Я сказала, заткнитесь! — крикнула она.

И в тот же миг она почувствовала это.

Холод родился внутри неё — у позвоночника, и начал подниматься вверх, к затылку, как вода, заливающая колодец. Каждый позвонок отзывался ледяной болью. Пальцы начали неметь. Воздух перехватило.

Тень за её спиной начала темнеть. Сначала едва заметно, потом явственно, быстро, будто кто-то наливал чернила в воду. Её очертания стали плотнее, тяжелее, почти осязаемыми. От неё пошёл холод — такой сильный, что воздух вокруг замерзал.

Коренастый замер. Он смотрел на тень, и его лицо начало бледнеть.

— Что это? — сказал он.

— Что-то холодное.

Тень вырвалась вперёд.

Она не бежала. Она плыла, как чёрная вода, заполняя пространство между Элей и нападавшими. Она стала плотнее, почти осязаемой, и от неё шёл холод — такой сильный, что воздух вокруг начал замерзать.

Коренастый открыл рот, чтобы закричать, но не успел. Тень ударила его по руке, сломав её. Он закричал и упал на колени. Тень двинулась быстрее. Эля не видела, что именно произошло. Она только услышала звук. Влажный, хлопающий, страшный.

Коренастый замер на мгновение. Его глаза расширились. Потом его тело развалилось пополам. Кровь хлынула на пыльную дорогу — яркая, тёплая. Его внутренности выскользнули на землю, и он упал, не успев даже закричать снова.

Эля смотрела на это, не в силах отвести взгляд.

Тощий побежал. Тень схватила его за горло. Он попытался вырваться, но тень притянула его к себе — медленно, будто наслаждаясь этим. Эля услышала звук разрываемой плоти. Увидела, как голова мужчины отделяется от тела и катится по земле, оставляя за собой кровавый след.

Она смотрела на это и чувствовала, как внутри неё всё переворачивается. Тень стояла над телами, чёрная и холодная. Она была почти осязаемой — матово-чёрной, плотной, как ткань. Эля видела, как кровь стекает по ней, как она капает на землю, оставляя тёмные пятна на пыльной дороге. Она видела эту кровь — и понимала, что тень была реальной, осязаемой, настоящей.

Потом тень начала светлеть. Медленно, как туман, рассеивающийся на солнце. И в тот же миг кровь — вся сразу — сорвалась с неё и упала на землю. Как будто тень сбросила с себя всё, что было материальным, и снова стала нематериальной. Тонкой, почти прозрачной, почти невесомой.

Эля смотрела на это, и ей казалось, что она видит, как тень становится чистой — чистой от крови, которую только что пролила. Она не знала, было ли это хуже, чем видеть её кровавой. Но она знала, что этот образ останется с ней навсегда.

Она упала на колени. Её вырвало. Снова и снова, пока в желудке ничего не осталось. Она чувствовала, как дрожит, как холод разливается по телу, как пустота заполняет её изнутри. Потом она посмотрела на тень. На неё, уже чистую, тонкую, почти прозрачную.

Она смотрела на тень и видела в ней не тёмное пятно, а Рена. Его плечи. Его спину. Его силуэт, который она знала так хорошо, что могла бы узнать даже в полной темноте.

— Ты... ты слышал их, — прошептала она. Голос дрожал, но в нём появлялась уверенность. — Ты слышал, что они говорили обо мне.

Она смотрела на тень, и её глаза горели — не гневом, а чем-то другим. Благодарностью. Верой.

— Они хотели оставить меня. Они хотели... — она сглотнула, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. — Они были мерзкими. Они заслужили это.

Аскар стоял в стороне и смотрел на неё. В его взгляде не было жалости. Только холодное наблюдение.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— Я знаю! — выкрикнула она, поворачиваясь к нему. — Ты не слышал, что они говорили? Они хотели оставить меня себе. Они говорили, что будут... — она не смогла договорить, потому что слова застряли в горле. — Ты слышал их!

— Слышал, — сказал он.

— И ты думаешь, они не заслужили этого?

Аскар молчал. Она видела, как его лицо остаётся спокойным, и это злило её больше, чем его слова.

— Рен защищал меня, — сказала она. Голос её стал твёрже. — Он всегда защищал меня. Он не мог позволить им так говорить обо мне. Он не мог позволить им...

— Рен мёртв, — сказал Аскар.

— Нет! — крикнула она, вскакивая на ноги. Ноги дрожали, но она стояла, глядя на него. — Он здесь! Он в этой тени! И он слышит меня! И он защищает меня!

Она повернулась к тени.

— Ты слышал их, да? — спросила она. — Ты слышал, что они говорили. И ты не мог этого терпеть. Ты не мог позволить им так говорить обо мне.

Тень стояла рядом, тонкая и почти невесомая, и молчала.

— Ты защитил меня, — сказала она. — Ты всегда меня защищал.

Аскар смотрел на неё долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты действительно веришь в это? — спросил он.

— Я знаю это! — крикнула она. — Я знаю, кто он! Я знаю, что он спас меня! Ты не можешь говорить мне, что это неправда!

Она смотрела на него, чувствуя, как слёзы подступают к глазам, но она не хотела плакать. Она хотела, чтобы он понял. Она хотела, чтобы он признал, что Рен — это не просто тень, а человек, который любил её, который спас её, который продолжал защищать её даже после смерти.

— Ты не знаешь его, — сказала она. — Ты не знаешь, что он сделал для меня. Ты не знаешь, как он любил меня. Ты не знаешь, как он умер ради меня.

— Я знаю, что он мёртв, — сказал Аскар.

— Нет! — крикнула она, и голос её сорвался. — Не говори так! Ты не имеешь права! Ты не знаешь!

Аскар молчал. Эля стояла, тяжело дыша, чувствуя, как дрожь проходит по телу. Она смотрела на него, и в глазах её была злость — злость на то, что он не верит, что он не понимает.

Она повернулась к тени.

— Я знаю, что ты здесь, — сказала она. — Ты слышишь меня. Ты видишь, что я делаю. И ты защищаешь меня, как всегда.

Тень стояла рядом, тонкая и почти невидимая, и молчала. Но Эля чувствовала её присутствие — холод, который тянул от неё, тишину, которая говорила громче слов.

— Ты защитил меня, — прошептала она. — Ты сделал это. Ты убил их, потому что они хотели причинить мне боль. Ты не мог этого позволить.

Аскар смотрел на неё. В его глазах не было ненависти. Только усталость.

— Ты не видишь, — сказал он.

— Что я не вижу? — она повернулась к нему.

— Что она сделала. Ты не видишь, как она убила их. Ты не видишь, как она уничтожила их. Ты видишь только то, что она защитила тебя.

— Потому что она защитила меня! — крикнула она.

— Она убила их, — сказал он. — Она разорвала их на части. Она сделала это так, как никто из нас не смог бы. И ты думаешь, что это сделал твой Рен?

— Да! — сказала она. — Потому что это он!

Аскар смотрел на неё долго. Потом медленно покачал головой.

— Ты веришь в это, — сказал он. — Ты действительно веришь.

— Потому что это правда! — крикнула она. — И я докажу это! Я докажу, что он здесь! Я докажу, что он слышит меня!

Эля стояла, тяжело дыша, чувствуя, как слёзы текут по лицу. Она смотрела на Аскара и чувствовала только злость. Злость на то, что он не верит. Злость на то, что он пытается забрать у неё единственное, что у неё осталось.

Аскар молчал. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на неё. Он не спорил, не возражал. Просто ждал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Идём. Нам нужно уйти до темноты.

Он развернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь. Эля смотрела на него, чувствуя, как дрожь проходит по телу, как слёзы смешиваются с грязью на лице.

Она повернулась к тени.

— Ты слышал меня, — сказала она. — Ты знаешь, что я не откажусь от тебя. Я докажу, что ты здесь. Я докажу, что ты — это он.

Тень стояла рядом, тонкая и почти невесомая, и молчала. Эля пошла за Аскаром, чувствуя, как холод становится частью неё.

Она не знала, что будет дальше. Она знала только, что не остановится. Она знала, что Рен здесь. И она знала, что он защитит её. Она была уверена.

Она сжала кулаки и пошла дальше. Она знала, что это только начало. Она знала, что тень будет делать это снова. Она знала, что не сможет её остановить. Но она верила, что это делает Рен. И эта вера была сильнее страха.

Она догнала Аскара, и они пошли по дороге, оставляя позади тела, кровь и тишину. Эля шла, чувствуя, как тень скользит за ней, как холод разливается по телу, как пустота внутри неё заполняется верой.

Она шла вперёд, и в груди её была уверенность. Рен был с ней. Он защищал её. И она не остановится, пока не докажет это всем.

Тень молчала. Но Эля знала: он слышит.

Глава 10. Версия Эли

Сон пришёл к ней, как всегда, — тёмный и липкий, как патока. Она снова бежала по лесу, но теперь она видела больше. Она видела лица Ноктаров — бледные, с глазами, которые светились в темноте, как угли. Она слышала их голоса — низкие, шипящие, на языке, которого не знала. Она видела, как Рен обернулся к ней и улыбнулся, прежде чем побежать. Его улыбка была спокойной, как будто он знал, что всё будет хорошо. Как будто он знал, что это — последний раз.

Она проснулась с криком, застрявшим в горле, и села, хватая ртом воздух. Сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах. Руки дрожали, и она сжала их в кулаки, пытаясь унять эту дрожь. Первые лучи солнца уже пробивались сквозь кроны деревьев, оставляя на земле длинные золотистые полосы. Воздух был свежим и влажным, пахло мокрой травой, прелой листвой и чем-то ещё — сладковатым, похожим на цветущий кустарник, который рос у ручья. Где-то вдали пела птица — одинокий, чистый звук, который казался чуждым этому месту, слишком спокойным для мира, в котором она жила.

Земля под ней была холодной и влажной, плащ намок от росы, и ткань прилипала к коже, оставляя липкое ощущение. Эля лежала неподвижно, глядя в небо, и чувствовала, как тело дрожит — не от холода, от того, что было внутри. Мысли вчерашнего дня возвращались кусками: кровь, крик, звук разрываемой плоти. Она закрыла глаза, пытаясь отогнать их, но они оставались там, за веками, пульсируя в такт сердцу. Каждый раз, когда она моргала, она видела красное. Каждый раз, когда она вдыхала, она чувствовала запах железа.

Она провела рукой по лицу — кожа была холодной и влажной, под глазами залегли тени, глубокие и тёмные, как провалы. Она не помнила, когда в последний раз спала без снов. Она не помнила, когда в последний раз просыпалась без чувства вины. Аскар сидел у костра, чинил ремень — его пальцы двигались быстро и уверенно, как у человека, который делал это сотни раз. Ремень был старым, потёртым, с зазубринами на краях, и он ловко затягивал новую строчку, не глядя на неё. Он не смотрел на неё. Просто сидел и ждал, пока она соберётся.

Она хотела сказать что-то, но слова застряли в горле. Она просто смотрела на свои руки. Они были чистыми, но она всё ещё чувствовала кровь. Тёплую, липкую. Ту, что текла между пальцев. Ту, что была на её лице, на её одежде, в её волосах. Она сжала их в кулаки и заставила себя встать. Плащ был тяжёлым от росы, и она накинула его на плечи, чувствуя, как холод пробирает до костей. Она смотрела на тень, которая стояла в углу поляны, почти невидимая в утреннем свете. Тень казалась тоньше, чем ночью, но она была здесь. Всегда.

— Ты видел мой сон? — прошептала она. — Ты знаешь, что я видела?

Тень не ответила. Но Эля почувствовала, как холодок пробежал по спине — будто тень услышала. Она не знала, было ли это ей воображение, но она ухватила за это чувство, как за спасательный круг.

Аскар протянул ей хлеб. Она взяла, но не стала есть. Просто держала в руках, глядя на него. Он не настаивал. Он убрал остатки еды в мешок, закинул его на плечо и пошёл вперёд.

— Идём, — сказал он.

Они пошли по дороге. Лес вокруг них был тихим и спокойным, но Эля чувствовала, как внутри всё кипит. Она смотрела на спину Аскара — широкую, неподвижную, уверенную — и знала, что он хочет спросить. Она знала, что он спросит. Она знала, что должна ответить. Она несколько раз открывала рот, чтобы заговорить, но закрывала его. Слова застревали в горле, как камни, и каждый раз, когда она пыталась их выдавить, ей казалось, что она захлебнётся.

Тень скользила за ней, холодная и спокойная. Единственное, что не давало ей сойти с ума. Она чувствовала её присутствие — холодок на спине, лёгкое давление в воздухе, которое напоминало, что она не одна. Она не знала, как это работает. Она не знала, почему тень следует

за ней. Но она знала, что это Рен. Она знала, что он не бросил её. Иногда, когда она шла, она замечала, как тень чуть меняет очертания — как будто поворачивает голову, прислушивается. Эля не говорила об этом Аскару. Она боялась, что он не поймёт. Или что поймёт слишком хорошо.

Она смотрела на тень и вспоминала. Вспоминала, как Рен впервые улыбнулся ей в приюте — робко, неуверенно, как человек, который забыл, как это делается. Вспоминала, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. Вспоминала, как он говорил: «Я буду тебя защищать». И он защищал. Всегда. До самого конца.

Они остановились у ручья. Вода была чистой и холодной, она струилась по камням, создавая тихий, успокаивающий шум. Рядом росли кусты с мелкими белыми цветами, и их запах смешивался с запахом влажной земли и камня. Эля опустилась на колени, чувствуя, как влажная трава касается её рук, как прохлада проникает сквозь ткань штанов. Она зачерпнула воду ладонями и поднесла к лицу. Холод обжёг кожу, смывая остатки сна. Она смотрела на своё отражение — бледное, с кругами под глазами, с волосами, которые слиплись и торчали в разные стороны. Она почти не узнавала себя.

Аскар сел на камень, наполнил флягу и вытер руки о штаны. Он не смотрел на неё, когда заговорил. Его голос был ровным, почти безразличным, но она знала, что это была маска.

— Ты хочешь рассказать мне, что случилось той ночью?

Она замерла. Слова ударили её, как пощёчина. Она смотрела на воду, чувствуя, как дыхание перехватывает, как сердце начинает биться быстрее, как холод разливается по телу.

— Что? — прошептала она. Голос её был чужим — слабым, дрожащим.

— Ты знаешь, о чём я, — сказал он. Он не обернулся. Он смотрел на воду, на камни, на деревья — куда угодно, только не на неё.

Она хотела ответить, но не могла. Она смотрела на свои руки, на воду, на траву между пальцами. Воздух застревал в груди, и каждый вдох давался с трудом. Она чувствовала, как внутри неё поднимается что-то тёмное и тяжёлое — то, что она держала взаперти так долго.

— Я... я не знаю, с чего начать, — сказала она, и голос её дрожал.

— Начни с того, что помнишь, — сказал он.

Она закрыла глаза. И слова хлынули из неё. Они лились, как вода, как кровь, как всё то, что она держала внутри так долго. Она чувствовала, как каждое слово срывает с неё очередной слой, как она становится легче, но и более одновременно.

— Мы шли на задание, — сказала она, и голос её сорвался. — Мы уже делали это раньше. Пещера пауков-шелкопрядов. Мы знали дорогу. Мы думали, что всё будет хорошо. Мы были молодыми и глупыми. Думали, что мир принадлежит нам.

Она сглотнула, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Но она не остановилась. Она не могла остановиться.

— А потом... потом мы поняли, что ошиблись. Мы забрели на территорию Ноктаров. Я не знаю, как мы оказались там. Карта была старая. Или мы просто не смотрели. Мы были дураками. Мы думали, что знаем путь, а на самом деле не знали ничего. Мы шли по темноте, и каждый шаг уводил нас всё глубже в их земли.

Она замолчала, качая головой. Воспоминания нахлынули с новой силой: темнота, холод, ветки, которые хлестали по лицу, и Рен впереди, который не оборачивался. Она помнила, как он шёл уверенно, как будто знал дорогу, а она доверяла ему. Она всегда доверяла ему.

— Мы хотели повернуть назад, — сказала она. — Но они нас уже нашли. Они появились из темноты — бесшумно, как тени. Я не слышала их шагов. Я не слышала их дыхания. Они просто... были там. Четыре или пять фигур, с оружием в руках. Я помню их глаза. Они не боялись. Они знали, что мы не уйдём.

Она сжала кулаки, пытаясь удержать себя. Она чувствовала, как ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли. Но это помогало ей говорить.

— Рен сказал мне бежать. Он сказал: «Беги, я догоню». Я побежала. Я думала, что он догонит. Я бежала и не оглядывалась, потому что верила ему. Я верила, что он будет рядом. Я верила, что он всегда будет рядом.

Голос её сорвался на крик.

— Но он не догнал! Я оглянулась и увидела его — он падал, а у него в спине был болт! Я не знала, когда он попал в него. Я не видела. Я не слышала. Я думала, что он бежит за мной, а он всё это время тащил меня! Он тащил меня, а у него был болт в спине, и он не сказал мне! Он не сказал мне, что ранен!

Она заплакала. Всклипы разрывали её грудь, и она качалась вперёд и назад, пытаясь успокоиться, но не могла. Она чувствовала, как слёзы смешиваются с водой на её лице, как холод ручья проникает сквозь одежду, но она не замечала этого. Она видела только его лицо — бледное, с закрытыми глазами, с кровью, которая стекала по губам.

— Он упал на колени, и я побежала к нему, — сказала она, и слова вырывались рывками, как у человека, который захлёбывается водой. — Я кричала на него, чтобы он не умирал. Я давила на рану руками. Я чувствовала, как кровь течёт между пальцев. Она была тёплой... она была тёплой и липкой... я чувствовала её на коже, я чувствовала её на языке. Она пахла железом. Пахла смертью.

Она подняла руки и посмотрела на них. Они были чистыми, но она видела их — красные, мокрые, дрожащие. Она закрыла глаза, и видение исчезло, но ощущение осталось. Она снова чувствовала, как его кровь стекает по её запястьям, как она капает на землю, как его дыхание становится всё тише.

— Я не могла остановить кровь, — прошептала она. — Она всё текла и текла. Я прижимала ладони к его спине, а она всё вытекала между пальцев. Я пыталась заткнуть рану, но она была слишком глубокой. Я чувствовала, как его тело становится холодным. Я чувствовала, как он уходит.

Она сжала руки в кулаки и опустила их. Она чувствовала, как дрожь проходит по телу, как холод разливается внутри, как пустота заполняет её изнутри.

— Он говорил мне бежать. Он говорил, чтобы я бросила его. Он говорил, что я должна жить. Но я не могла. Я просто не могла! Он был всем для меня. Он был единственным, кто у меня был. Он был моей семьёй.

Она замолчала, и тишина повисла над ручьём. Только шум воды нарушал её. Аскар слушал молча. Он не перебивал, не задавал вопросов. Только смотрел на воду, и его лицо было непроницаемым. Когда она замолчала, он повернулся к ней. Его глаза были спокойными, но в них читалась глубокая усталость.

— Ты помнишь, как ты выбралась? — спросил он.

Она покачала головой.

— Нет. Я потеряла сознание. Я не помню, как оказалась в лечебнице. Я не помню, кто принёс меня туда. Я просто помню, как проснулась и увидела тень.

Она помолчала, и её голос стал тише.

— Я помню, что когда я очнулась, она стояла у кровати. Я сразу поняла, что это он. Я не знаю, как я поняла. Я просто знала. Я чувствовала его. Я чувствовала его присутствие. Он был там. Он ждал меня.

Аскар посмотрел на тень. Она стояла у края ручья, почти невидимая, но её присутствие было ощутимым. Он смотрел на неё несколько секунд, потом снова перевёл взгляд на Элю.

— Ты не помнишь ничего между тем, как он упал, и тем, как ты проснулась?

— Нет, — сказала она, и голос её дрогнул. — Но я знаю, что это он принёс меня туда. Кто ещё мог это сделать?

Аскар помолчал. Потом сказал:

— Может быть, ты сама. Ты могла идти, не помня этого. Шок делает такое. Я видел людей, которые делали вещи, которых не помнили. Иногда тело работает, а разум отключается, чтобы не сойти с ума.

Эля смотрела на него, и в её глазах мелькнула тень сомнения. Но она отогнала её. Она не могла позволить себе сомневаться. Сомнение было роскошью, которую она не могла себе позволить.

— Ты не был там, — сказала она. — Ты не видел, как он смотрел на меня. Ты не знаешь, как он держал меня за руку, пока не потерял сознание. Ты не знаешь, как он звал меня по имени, пока не потерял голос.

Она встала, чувствуя, как ноги дрожат, как земля уходит из-под ног. Но она не упала. Она выпрямилась и посмотрела на Аскара.

— Я знаю, что он здесь, — сказала она. — И я не оставлю его. Я не оставлю его никогда. Даже если это убьёт меня.

Аскар смотрел на неё долго. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Ты веришь. Я не буду говорить, что ты ошибаешься. Я не знаю, что это. Но я знаю, что ты не сдашься. Это я вижу.

Он встал, поднял мешок и пошёл дальше, не оглядываясь. Эля смотрела на него, чувствуя, как слёзы продолжают течь по её лицу. Она вытерла их рукавом и пошла за ним.

Эля шла по дороге, и её мысли возвращались к Рену. Она вспоминала его голос, его смех, его руки. Она вспоминала, как он сидел рядом с ней на крыше сарая и смотрел на закат. Она вспоминала, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. Она вспоминала, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит.

«Ты был моим домом», — прошептала она.

Она посмотрела на тень. Та скользила за ней, как всегда, тонкая и почти невесомая. Но сейчас, когда она смотрела на неё, она заметила что-то новое. Тень слегка качнулась — медленно, как будто наклоняла голову, слушая её. Эля замерла на мгновение, вглядываясь в неё. Но тень оставалась неподвижной. Или ей просто показалось?

— Ты слышал меня, — прошептала она. — Ты слышишь меня всегда.

Она пошла дальше, чувствуя, как холод становится частью её. Она знала, что это только начало. Она знала, что впереди будет ещё больше боли, ещё больше крови, ещё больше смерти. Но она знала, что не остановится. Она не могла остановиться. Она должна была найти ответы. Она должна была вернуть его. Даже если это означало, что она потеряет себя.

Она шла вперёд, и ветер дул ей в лицо, холодный и влажный. Она чувствовала, как он сушит её слёзы, как он касается её кожи, как он несёт запах леса и дороги. Она смотрела на спину Аскара и знала, что он не верит ей. Но это не имело значения. Она верила. И этой веры было достаточно, чтобы идти дальше.

Она сжала кулаки и пошла быстрее. Она знала, что они скоро доберутся до границы. Она знала, что там будет ещё темнее, ещё холоднее, ещё страшнее. Но она знала, что Рен будет с ней. И она не остановится, пока не найдёт ответы.

Она шла, чувствуя, как тень скользит за ней, как холод разливается по телу, как внутри неё растёт решимость. Она знала, что это только начало. И она была готова.

Глава 11. Старые земли войны

Она проснулась от того, что кто-то дышал рядом.

Не громко, не тяжело — просто ровно, спокойно, как будто этот кто-то всегда был там, просто она не замечала. Эля открыла глаза. Над ней было серое небо, закрытое редкими облаками, которые тянулись бесконечными полосами, похожими на шрамы. Воздух пах мокрой травой и чем-то горьким, как пепел от старого костра, который залили водой, оставив после себя только чёрную жижу и запах тления.

Она повернула голову. Аскар уже сидел у остывшего костра, натягивал сапоги, подтягивал ремни. Его движения были отработанными и точными — он делал это каждое утро, и каждое утро это выглядело одинаково. Он не смотрел на неё. Он просто собирался, как делал это всегда — молча, без лишних движений, как человек, который привык к дороге и не тратил время на пустые слова. Рядом с ним на земле лежал мешок, затянутый ремнями, и фляга с водой, которую он уже наполнил у ручья. От него пахло дымом и кожей — запах, который уже стал для неё привычным, почти родным.

Эля лежала, глядя в небо, и чувствовала, как тело понемногу отпускает ночную дрожь. Она не помнила, снился ли ей сон. Или он был, но она просто не хотела его помнить. Иногда ей казалось, что её память — как старая ткань, которая рвётся по краям, оставляя дыры, в которые проваливаются важные вещи. Она не знала, было ли это хуже, чем помнить всё.

Она села. Трава под ней была холодной и мокрой, плащ прилип к спине, оставляя влажное пятно на рубашке. Она отряхнула его, накинула на плечи, чувствуя, как прохлада пробирает до костей. Она не оглядывалась на тень. Она знала, что она там. Она всегда была там.

Аскар встал, закинул мешок на плечо и пошёл вперёд, не дожидаясь её.

— Идём, — сказал он.

Они пошли. Дорога петляла между холмами, покрытыми жухлой травой, которая казалась серой в утреннем свете. Эля шла за ним, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в ступнях. Сапоги были ещё новыми, но они уже начали натирать, и она знала, что к вечеру ноги будут гореть. Она не жаловалась. Она шла, смотрела по сторонам и старалась не думать о том, что будет дальше.

Тень скользила за ней, почти невидимая в сером свете. Эля иногда оглядывалась, чтобы проверить, не исчезла ли она. Тень была там. Тонкая, почти прозрачная, но она была. Она напоминала ей, что она не одна. Что Рен всё ещё с ней.

— Далеко ещё до границы? — спросила она.

— Мы уже на старых землях войны, — сказал Аскар, не оборачиваясь.

Его голос был ровным, но она заметила, как он чуть замедлил шаг. Не из страха — она знала его достаточно, чтобы понять, что он не боится. Скорее из уважения. Или осторожности. Она не могла понять точно.

— Они выглядят как обычные земли, — сказала она, оглядываясь по сторонам.

— Присмотрись, — сказал он.

Она посмотрела вниз, на землю под ногами. Трава была редкой, жухлой, с жёлтыми проплешинами, которые напоминали следы ожогов. Она заметила, что почва кое-где темнела, будто была пропитана чем-то тёмным и маслянистым. И ещё она заметила камни. Они лежали по краям дороги слишком ровно, словно кто-то специально выложил их в ряд. Один из них был выше остальных — тёмный, с едва заметными символами, стёртыми временем и непогодой. Она остановилась и посмотрела на него.

Она опустила на корточки, провела пальцами по шершавой поверхности. Камень был холодным, влажным, словно впитал в себя утреннюю росу. Символы казались чужими, непонятными, но она чувствовала, что они что-то значат. Они были старыми. Они были тяжёлыми.

Она провела пальцем по одной из линий — глубокой, вырезанной много лет назад, и почувствовала, как внутри неё шевельнулось что-то странное. Не страх. Скорее узнавание.

— Как они могли жить так близко к людям? — спросила она.

— Они не думали, что люди захотят их земли, — сказал Аскар. — Они ошиблись.

Она не знала, что ответить. Она поднялась, отряхнула руки и пошла дальше. Внутри неё росло странное чувство — смесь любопытства и тревоги. Словно она стояла на пороге чего-то, чего не понимала, но что уже начало её менять. Она чувствовала, как старые камни смотрели на неё, как ветер нёс запах пепла. Она сжала кулаки и пошла быстрее.

Они шли по дороге, и мир вокруг них менялся. Ветки деревьев становились сухими и обломанными, как будто здесь прошёл огонь или кто-то сломал их специально — не торопясь, с холодной жестокостью. Эля заметила, что трава начала темнеть, становясь почти чёрной. Она поняла, что это не от грязи, а от того, что она была пропитана чем-то.

— Здесь было много крови, — сказала она. Это был не вопрос. Она знала это.

— Да, — сказал Аскар. — Здесь была битва. Много лет назад. Самая большая на этой границе.

Она смотрела на землю, на сухую, потрескавшуюся землю, и чувствовала, как по спине пробегает холод. Она пыталась представить, как здесь было. Война. Крики. Смерть. Она слышала рассказы о войне, но она не представляла, что это было так близко. Она остановилась на мгновение, закрыла глаза и прислушалась к ветру. Ей показалось, что она слышит что-то — далёкие голоса, крики, звон металла. Или ей просто казалось.

Небо стало серым. Ветер дул сильнее, поднимая с земли сухие листья и пыль. Где-то над холмами кружили вороны. Они летали кругами, издавая хриплые, резкие крики, которые разрывали тишину. Эля смотрела на них и чувствовала, как внутри неё всё сжимается. Она не могла объяснить, почему эти птицы вызывали в ней страх. Но они вызывали.

— Почему они там? — спросила она.

— Там что-то есть, — сказал Аскар. — Мёртвое. Или старое. Вороны всегда знают.

Эля смотрела на них, пока они кружили над холмами, и думала о том, что вороны не ошибаются. Они чувствуют смерть. Она чувствовала её запах в воздухе. Или ей просто казалось. Она знала, что в этом месте много смертей, но она не знала, как много. Она смотрела на чёрные точки, которые кружились над холмами, и чувствовала, как внутри неё растёт странное спокойствие.

Они остановились у ручья. Вода текла медленно, почти неподвижно, и в ней отражалось серое небо. Эля опустила на корточки, зачерпнула воду ладонью и поднесла к лицу. Она чувствовала, как холод обжигает кожу. Она сделала глоток и почувствовала странный привкус — металлический, горький, оставляющий на языке ощущение, будто она лизнула старую монету.

— Она отдаёт железом, — сказала она, поморщившись.

— Здесь много крови, — сказал Аскар. — Она впиталась в землю. Вода всё ещё помнит.

Эля смотрела на воду, в которой отражалось серое небо. Она не знала, что сказать. Она просто смотрела и чувствовала, как внутри неё растёт пустота. Она думала о том, сколько людей умерло здесь. Сколько крови пролилось. Сколько боли осталось в этой земле. Она смотрела на воду, и ей казалось, что она видит в ней лица. Мёртвые, пустые, смотрящие на неё из глубины ручья. Она сглотнула и отвернулась.

Они шли дальше. Дорога становилась всё более пустынной. Эля чувствовала, как ноги начинают болеть, как плащ становится тяжелее. Она смотрела на тень, которая скользила за ней, и чувствовала, как она меняется. Она не могла объяснить, но ей казалось, что тень становится чуть более очерченной, чуть более плотной. Словно она тоже чувствовала это место. Словно она тянулась к нему.

Внезапно она увидела фигуру на дороге. Она сначала подумала, что это один из тех, кто напал на них, и почувствовала, как сердце начало биться быстрее. Но потом она поняла, что

это старик. Он шёл по дороге с тележкой, в которой лежал металлолом — старые наконечники копий, обломки мечей, пряжки, ржавые куски кольчуг. Он выглядел уставшим, согбенным, но его глаза были живыми — острыми, внимательными.

— Торгуешь железом? — спросил Аскар, останавливаясь.

— Торгую, — сказал старик, останавливаясь рядом с ним. — А что, есть что продать?

— Нет, — сказал Аскар. — Мы просто идём.

Старик посмотрел на Элю, потом на тень за её плечом. Его лицо не изменилось. Он видел и не такое. Он остановился, оперся на тележку и посмотрел на неё внимательно, как будто хотел что-то сказать, но не решался. Его глаза были светлыми, почти прозрачными, и в них отражалось серое небо.

— Здесь до сих пор находят кости, — сказал он. — Даже спустя столько лет. В земле. В полях. Иногда в лесу. Война не заканчивается, когда перестают стрелять. Она остаётся в земле.

Эля молчала. Она смотрела на его тележку, на обломки оружия, которые он собрал. Она думала о том, что каждая из этих вещей когда-то была в чьих-то руках. Кто-то держал их. Кто-то умирал с ними. Она видела ржавый наконечник копья — когда-то он был острым, когда-то он пронзил чью-то плоть. А теперь он лежал в тележке старика, просто кусок железа, который никто не хотел помнить.

— Откуда ты знаешь, что это была война? — спросила она. — Может быть, это был просто пожар?

Старик засмеялся — тихо, беззлобно, и его смех был похож на шум сухих листьев.

— Девушка, — сказал он, — я собираю железо из земли уже тридцать лет. Я знаю разницу между пожаром и битвой. Пожар оставляет пепел. Битва оставляет кости. Если копнуть здесь глубже, ты найдёшь их. Всех, кто здесь умер. И тех, кто их убил.

Он поднял тележку и пошёл дальше, не оглядываясь. Его шаги были медленными, но уверенными. Эля смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри неё что-то меняется. Она думала о его словах. Она думала о том, что эта земля — не просто место, где была война. Это место, где война всё ещё жила. В костях, в железе, в памяти тех, кто помнил.

Они пошли дальше. Через некоторое время они наткнулись на руины разрушенной деревни. Несколько домов, сгоревших дотла. Обгоревшие балки, которые торчали из земли, как рёбра мёртвого животного. Эля остановилась посреди них, чувствуя, как ветер дует в лицо, принося запах пепла и старой боли. Она смотрела на чёрные стены, на пустые оконные проёмы, которые смотрели на неё, как пустые глазницы. Она чувствовала, как тишина этого места давит на неё.

Она увидела куклу. Она лежала в грязи, впитавшая в себя пепел и дожди. У неё не было головы. Она просто лежала там, безликая, ненужная, забытая. Эля смотрела на неё, и ей казалось, что она видит не просто игрушку, а кого-то, кто был здесь. Кого-то, кто играл с ней. Кого-то, кто умер или просто ушёл. Она не могла отвести взгляд.

Она смотрела на куклу, и в голове у неё пронеслись картинки. Она представила девочку, которая держала эту куклу в руках. Которая прижимала её к груди, когда боялась темноты. Которая разговаривала с ней, как с живой. А потом пришла война. И девочка убежала, оставив куклу здесь. Или не убежала. Эля не знала, что случилось с девочкой. Но она знала, что кукла осталась.

— Кто это сделал? — спросила она. Её голос был тихим, почти шёпотом.

— Не знаю, — сказал Аскар. — И не важно. Это было так давно, что те, кто это сделал, уже мертвы. Или забыли.

— Но мы помним, — сказала она.

Эля подошла к кукле. Она хотела поднять её, но её рука остановилась на полпути. Она не могла коснуться её. Она чувствовала, что это неправильно. Что она не имеет права.

Она отошла и пошла дальше.

Они вышли к старой башне. Она стояла на холме, наполовину разрушенная. Стены почернели от огня, но кое-где ещё видны были световые печати Эфиров — слабые, почти стёртые, но всё ещё различимые. Они мерцали в сером свете, как воспоминания о чём-то, что когда-то было сильным. Эля поднялась по каменистому склону и остановилась у входа. Она провела пальцами по стене, чувствуя шершавый камень и холод, который проникал сквозь кожу.

Печати были вырезаны глубоко, но время и огонь сделали своё дело. Некоторые из них были разбиты, другие — потускнели до почти невидимых линий. Эля смотрела на них, чувствуя, как внутри неё растёт что-то странное — смесь уважения и печали. Она слышала о печатях Эфиров. Она знала, что они были сильными. Но здесь они выглядели слабыми. Уставшими.

— Эфиры говорили, что это была оборонительная башня, — сказала она.

Аскар стоял позади неё. Он не подходил ближе. Его голос был ровным, почти безразличным.

— Все говорят «оборона», когда им стыдно сказать «мы тоже жгли деревни».

Эля обернулась. Его лицо ничего не выражало — только усталость. Глубокая, старая усталость человека, который видел слишком много и перестал удивляться.

— Ты был там? — спросила она. — На войне?

— Нет, — сказал он. — Я родился позже. Но я видел, что от неё осталось. Никто не был прав. Все просто выживали.

— И делали то, что должны были, чтобы выжить, — закончила она.

Она смотрела на стены, на печати, на чёрные следы огня. Она чувствовала, как внутри неё разливается холод. Она чувствовала, как мир, который она знала, начал трескаться. Она думала о том, что Эфиры и Ноктары — это не просто «светлые» и «тёмные». Это люди. Которые делали то, что должны были, чтобы выжить.

— Я всегда думала, что Эфиры были светлыми, — сказала она. — А Ноктары — тёмными. Это было просто.

— Мир редко бывает простым, — сказал Аскар.

Она повернулась к тени. Та стояла неподвижно, но Эля чувствовала, что она изменилась. Что-то в ней стало иным — более внимательным, что ли. Словно она тоже смотрела на эти руины. Словно она понимала их.

Эля сделала шаг к тени и протянула руку. На мгновение ей показалось, что тень тоже тянется к ней. Что она стала чуть плотнее, чуть осязаемее. Что она почти касается её пальцев. Но она не коснулась. Она осталась там, где была.

— Ты чувствуешь это место? — прошептала она. — Ты тоже помнишь?

Тень не ответила. Но Эля чувствовала холодок, пробегающий по спине. Ей казалось, что тень смотрит на руины так же, как она. Что она тоже видит куклу. Что она тоже помнит. Она стояла рядом с Элей и молчала, и её молчание было красноречивее слов.

Они ушли с руин. Дорога шла под уклон, и ветер дул в спину, поднимая пепел. Эля шла молча. Она думала о том, что она видела. Она думала о старике с тележкой, о кукле без головы, о стёртых печатях Эфиров. Она думала о том, что мир сложнее, чем она думала.

Она посмотрела на тень, которая скользила за ней. Она чувствовала, как та отвечает ей. Не словами — просто присутствием. Тень была рядом. Тень была тихой. Она была холодной, но Эля знала, что в этом холоде не было зла. Она чувствовала, как тень — её тихая, молчаливая спутница — становилась частью её мира. Не как проклятие, не как наказание, а как что-то, что она не могла объяснить, но могла принять.

Она шла дальше, и ветер уносил пепел за её спиной. Она не знала, что будет дальше. Она знала только, что мир сложнее, чем она думала. И что она ещё не готова это принять. Но она шла. Она всегда будет идти. Потому что Рен ждал её впереди.

Она не знала, кем она встретит его — человеком или тенью. Но она знала, что встретит. И этого было достаточно, чтобы продолжать идти.

Глава 12. Тень как зеркало

Она проснулась от холода.

Сначала она не поняла, что её разбудило. Вокруг было тихо — не пели птицы, не шумел ветер, даже костёр не трещал, остывший за ночь. Просто тишина, густая и неподвижная, как вода в замерзшем пруду. Эля лежала, не открывая глаз, и чувствовала, как холод касается её кожи — не снаружи, а изнутри. Он поднимался откуда-то из груди, разливаясь по телу, и она знала, что это не от погоды. Это было что-то другое. Что-то, что она не могла объяснить, но что уже начало менять её.

Она открыла глаза и увидела тень.

Она стояла у самого края её одеяла — ближе, чем когда-либо раньше. Не на расстоянии вытянутой руки, а почти касаясь её плеча, краем своей тёмной формы заходя на её собственную тень. Как будто хотела слиться с ней. Эля смотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается странное чувство — смесь надежды и неуверенности. Она не знала, что это значит. Она не знала, пугает ли её это или успокаивает.

Она приподнялась на локте, и одеяло сползло с плеча. Холодный воздух коснулся кожи, но она почти не заметила этого — всё её внимание было приковано к тени. Та стояла неподвижно, но в её очертаниях было что-то новое. Что-то, чего Эля не замечала раньше. Она не просто была тёмным пятном — она имела форму. Слегка различимые плечи, изгиб спины, наклон головы. Словно кто-то стоял там, в этой темноте, и смотрел на неё.

Эля затаила дыхание. И тень замерла. Она выдохнула — и тень чуть светлела. Она вдохнула — и тень стала плотнее, её очертания стали более чёткими. Она дышала, и тень дышала с ней. Она никогда не замечала этого раньше. Или не хотела замечать.

Она медленно подняла руку и протянула её к тени. Пальцы дрожали, но она не убрала их. Она хотела коснуться. Она хотела проверить, реальна ли она. Ладонь приближалась к тёмной поверхности, и Эля чувствовала, как холод становится острее, как воздух между ними начинает вибрировать. И в тот момент, когда её пальцы почти коснулись тени, она почувствовала прикосновение. Лёгкое, почти невесомое, как дуновение ветра. Но это было прикосновение. Холодное, но не враждебное. Оно было похоже на то, как Рен касался её лица, когда думал, что она спит. Нежное, осторожное, полное любви.

Эля замерла. Сердце пропустило удар. Она смотрела на свои пальцы, которые почти соприкасались с тенью, и чувствовала, как внутри неё разливается тепло. Надежда. Вера. Она хотела верить, что это был он. Что он коснулся её. Что он всё ещё здесь.

Но потом она отдернула руку. Слишком быстро, слишком резко, и тень отступила на шаг — как будто её испугали. Эля сидела, глядя на неё, и чувствовала, как внутри неё борются две силы. Одна говорила: «Это он. Он здесь. Он касается тебя». Другая шептала: «Это не он. Это просто тень. Ты хочешь, чтобы это был он, поэтому ты чувствуешь это».

Она не знала, что правда. Она не знала, хочет ли она знать.

Она сидела так несколько минут, глядя на тень, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Она попыталась вспомнить, как пах Рен. Как пахла его кожа, его волосы, его одежда. Она закрыла глаза и вдохнула, надеясь уловить этот запах в воздухе. Но она чувствовала только холод и сырость леса. Она попыталась вспомнить его голос, как он произносил её имя. Она слышала его в своей голове, но он был далёким, как эхо в горах. Она чувствовала, как память начинает тускнеть, как черты его лица становятся менее чёткими. И это пугало её больше, чем всё остальное. Потому что если она забудет его — кто тогда вспомнит?

Аскар уже сидел у костра, натягивал сапоги. Он взглянул на неё, потом на тень, потом снова на неё. Его взгляд был спокойным, но она заметила, как он задержался на тени чуть дольше, чем обычно.

— Ты плохо спала? — спросил он.

— Нет, — сказала она, и голос её был ровнее, чем она ожидала. — Я просто проснулась.

Он ничего не сказал. Он просто смотрел на неё, как будто видел что-то, чего она не замечала. Она не стала спрашивать.

Они собрались и пошли через лес. Дорога поднималась в гору, и каждый шаг давался тяжело. Эля чувствовала, как ноги начинают болеть, как дыхание сбивается, как пот скатывается по спине. Аскар шёл впереди, его шаги были ровными и уверенными, как будто он не чувствовал усталости. Она смотрела на его спину и чувствовала раздражение, которое росло внутри неё, как сорняк, который невозможно вырвать.

Лес вокруг них становился всё более странным. Деревья росли криво, их ветви переплелись в неестественные узлы, а кора была покрыта глубокими шрамами — символами, которые Эля уже видела на пограничных камнях. Некоторые из них ещё слабо светились, как будто память о чём-то, что было здесь раньше, ещё не угасла. Эля остановилась, разглядывая их. Ей казалось, что они движутся, пульсируют в такт её сердцу. Она коснулась одного из символов пальцем, и почувствовала, как холод пробегает по руке. Не боль, а что-то другое — предупреждение. Или приглашение.

— Ты можешь идти медленнее? — сказала она, догнав Аскара.

— Нет, — сказал он, не оборачиваясь. — Нужно успеть до темноты.

— Я не могу так быстро.

— Значит, быстрее привыкай.

Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Она смотрела на его спину и чувствовала, как внутри поднимается злость. Не сильная, не громкая — просто раздражение, как сухая трава, которая ждёт искры. Она чувствовала, как её дыхание становится более частым, как мышцы напрягаются, как внутри неё закипает что-то тёмное.

Она не заметила, как тень начала темнеть.

Сначала она просто стала плотнее, как будто сгущалась из воздуха. Потом она начала двигаться — медленно, почти незаметно, но она двигалась. Она тянулась к Аскару, как будто хотела проверить его, дотронуться до его плеча, коснуться его кожи. Эля увидела, как тень вытягивается вперёд, как её край приближается к спине Аскара, и внутри неё всё сжалось. Она не знала, что происходит. Она не знала, контролирует ли она это.

Аскар не обернулся, но его шаги замедлились. Она видела, как он напрягся, как его плечи стали жёстче, как его рука потянулась к ножу на поясе.

— Убери её, — сказал он. Голос его был ровным, но в нём слышалось напряжение.

— Я не могу её убрать, — сказала она, и голос её дрогнул. Она не знала, как это делается. Она не знала, как остановить то, что не понимала.

— Тогда перестань злиться, — сказал он. — Она реагирует на тебя. Ты злишься — она становится агрессивной. Успокойся.

Она сжала зубы и попыталась успокоиться. Она не знала, как это делается — как перестать злиться, когда внутри всё кипит. Она смотрела на его спину и чувствовала, как злость смешивается со страхом. Она закрыла глаза и представила, как её злость уходит — не исчезает, а просто оседает внутри, как песок на дне реки. Она делала глубокие вдохи, считая до пяти на каждом выдохе. Она чувствовала, как напряжение покидает её тело, как мышцы расслабляются.

Тень медленно светлела, возвращаясь к привычной полупрозрачности. Она отступила назад, её очертания стали менее чёткими, и она снова заняла своё место за спиной Эли.

Аскар обернулся и посмотрел на неё. Его лицо было спокойным, но в глазах мелькнуло что-то — одобрение, уважение или просто облегчение.

— Лучше, — сказал он.

Она ничего не сказала. Она просто стояла, чувствуя, как дрожат колени, как сердце всё ещё колотится в груди. Она не знала, что только что произошло. Она не знала, как она это сделала. Но она знала, что тень подчиняется её эмоциям. И это было страшно.

Они шли дальше. Лес стал гуще, деревья поднимались выше, закрывая небо. На стволах появлялись странные символы — глубокие, вырезанные до сердцевины. Некоторые из них ещё слабо светились, как будто память о чём-то, что было здесь раньше. Эля остановилась, разглядывая их, и чувствовала, как тень за её спиной становится более настороженной, как будто узнавала эти знаки. Она становилась плотнее, её очертания становились более чёткими.

— Что это? — спросила она.

— Ноктарские метки, — сказал Аскар. — Они отмечают дороги. Предупреждают о том, что здесь чужие. И о том, что их не любят.

— Ты чувствуешь это место? — спросила она шёпотом, обращаясь к тени.

Тень не ответила. Но Эля чувствовала, как она становится более собранной, более внимательной, как будто готовилась к чему-то. Она не знала, было ли это хорошим знаком или плохим. Она просто знала, что тень меняется.

Они остановились на привал у небольшого ручья. Вода текла медленно, почти неподвижно, и в ней отражалось серое небо. Эля опустилась на колени, зачерпнула воду ладонью и поднесла к лицу. Она чувствовала, как холод обжигает кожу, как вода стекает по подбородку, падая на землю. Она смотрела на своё отражение — бледное, уставшее, с глазами, в которых горела надежда и страх одновременно.

Аскар сидел у костра, чистил нож. Его движения были медленными и точными, как будто он делал это сотни раз. Он не смотрел на неё, но она знала, что он ждал. Он ждал, пока она заговорит. Ждал, пока она задаст вопросы, которые мучили её.

— Ты заметила? — сказал он наконец, не поднимая глаз.

— Что? — спросила она.

— Тень. Она двигается с тобой. Не как тень человека, которая следует за светом. Как тень эмоций. Ты злишься — она темнеет и становится агрессивной. Ты боишься — она становится ближе, защищает тебя. Ты тоскуешь — она принимает его форму. Это не Рен. Это ты.

Она смотрела на него, и внутри неё начинала закипать злость, но она подавила её. Она не хотела, чтобы тень снова изменилась. Она смотрела на свои руки, на воду, на траву между пальцами. Она пыталась найти слова, которые могли бы опровергнуть его, но они не приходили.

— Ты не знаешь, что это, — сказала она, и голос её был тихим, почти беззащитным.

— Я знаю, что это не он, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

Он поднял глаза от ножа и посмотрел на неё. Его взгляд был спокойным, но в нём читалась глубокая усталость.

— Потому что мёртвые не возвращаются, — сказал он. — Не таким образом. Тени не говорят. Они не помнят. Они не любят. Они просто отражают то, что видят. Ты видишь Рена, потому что хочешь его видеть. Ты слышишь его, потому что хочешь слышать. Но это не он. Это твоя боль, принявшая форму.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Она смотрела на тень и чувствовала, как внутри неё растёт неуверенность. Не из-за его слов. Из-за того, что она видела. Она видела, как тень меняется в зависимости от её эмоций. Она видела, как она становится агрессивной, когда она злится, и защитной, когда она боится. Она видела, как она принимает форму Рена, когда она тоскует. И она не знала, что это значит.

— Когда ты злишься на меня, она становится агрессивной, — продолжал Аскар. — Я видел, как она тянется ко мне. Когда ты боишься, она становится защитной — она прикрывает

тебя, как щит. Когда ты думаешь о нём, она принимает его форму. Это не воспоминания Рена. Это твои инстинкты. Твоё тело знает, что делать, даже если твой разум не хочет это принимать.

Она смотрела на него, и в её глазах мелькнула тень сомнения. Она хотела сказать, что он ошибается. Она хотела сказать, что это Рен. Она хотела сказать, что она знает его лучше, чем кто-либо. Но она не могла. Потому что он был прав.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, и голос её дрогнул. — Как ты можешь быть так уверен?

— Потому что я видел это раньше, — сказал он. — Не такое, но похожее. Тени, которые рождаются из боли. Они не помнят. Они просто отражают. Они берут то, что ты даёшь им, и становятся этим. Если ты даёшь им любовь — они становятся любовью. Если ты даёшь им страх — они становятся страхом. Если ты даёшь им надежду — они становятся надеждой. Но они не те, кого ты потерял. Они — то, что ты чувствуешь.

Она молчала. Она смотрела на свои руки, на свои пальцы, которые всё ещё помнили прикосновение тени. Она думала о том, что он сказал. Она думала о том, что тень была с ней с того момента, как она проснулась в лечебнице. Она думала о том, как она менялась. Она думала о том, что это могло быть правдой.

— Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, что это. Я не знаю, как это понять. Я просто знаю, что я чувствую.

— Это нормально, — сказал он. — Ты не должна знать. Ты должна просто идти.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то изменилось. Она не знала, что это, но она знала, что это важно. Она знала, что её понимание тени начинает меняться.

Она сидела у ручья, глядя на воду, и её мысли возвращались к Рену. Она вспоминала их первую встречу в приюте — как он сидел в углу и ни с кем не разговаривал. Вспоминала, как он впервые улыбнулся ей. Вспоминала, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. Вспоминала, как он говорил: «Я буду тебя защищать». И он защищал. Всегда. До самого конца.

Она чувствовала, как внутри неё разливается тепло — воспоминания о нём были единственным, что согревало её. Но потом она снова посмотрела на тень, и тепло сменилось холодом. Она видела его силуэт в тени, но она не чувствовала его. Она не слышала его голоса. Она не чувствовала его рук.

«А что, если это не он?» — снова прошептал голос в её голове.

Она сжала кулаки и попыталась отогнать эту мысль. Она не хотела думать об этом. Она не хотела сомневаться. Но сомнение уже поселилось внутри неё, и она не могла его выгнать.

Ночь пришла быстро. Эля лежала на земле, глядя в небо, и не могла уснуть. Она думала о Рене, о его голосе, о его улыбке. Она пыталась вспомнить, как он смеялся. Она пыталась вспомнить, как его руки касались её лица. Она пыталась вспомнить его глаза. Она чувствовала, как тоска разливается по телу, как внутри неё появляется желание. Желание, чтобы он был рядом. Чтобы он стоял рядом с ней и смотрел на неё так же, как раньше.

Тень начала двигаться. Она становилась более плотной, её очертания — более чёткими. Она медленно приближалась, и Эля чувствовала, как холод касается её кожи. Она видела, как тень меняет свою форму — она становится более человеческой, более знакомой. Плечи, спина, профиль. Она видела его силуэт в темноте. Она чувствовала его присутствие, как будто он стоял рядом.

Эля смотрела на тень, и ей казалось, что она видит не просто тёмное пятно, а Рена. Его плечи. Его спину. Его силуэт, который она знала так хорошо, что могла бы узнать даже в полной темноте. Она видела, как он поворачивает голову, как будто смотрит на неё. Она видела, как его рука поднимается, как будто он хочет коснуться её лица. Она затаила дыхание. Её сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах.

Она протянула руку, и тень сделала шаг вперёд. Её очертания стали ещё более чёткими, и Эля могла разглядеть каждую деталь: изгиб его плеч, наклон его головы, то, как он стоял,

слегка склонившись вперёд, как будто хотел обнять её. Она чувствовала, как холод становится теплее, как воздух вокруг неё начинает вибрировать. Она почти чувствовала его дыхание на своей коже.

— Ты здесь, — прошептала она. — Ты всегда здесь.

Тень не ответила. Она стояла неподвижно, но её очертания всё ещё напоминали Рена. Эля смотрела на неё, и внутри неё просыпалась надежда. Надежда, что он не ушёл. Надежда, что он всё ещё с ней.

Но потом она заметила, что тень не двигалась так, как двигался он. Она была неподвижной, безжизненной, как маска. Она напоминала его, но она не была им. Она была холодной, а он был тёплым. Она была безмолвной, а он всегда находил слова. Она была пустой, а он был полон жизни.

И в её голове появилась мысль, которую она не могла заглушить: «А что, если это не он?»

Она отдернула руку. Тень замерла, её очертания стали менее чёткими, как будто она потеряла форму. Эля смотрела на неё, и внутри неё всё переворачивалось. Она чувствовала, как страх смешивается с надеждой, как боль разливается по телу. Она не знала, что правда. Она не знала, хочет ли она знать.

Она решила проверить. Она закрыла глаза и попыталась представить не Рена, а что-то другое. Она представила дерево. Высокое, с раскидистой кроной. Она сосредоточилась на этом образе, стараясь удержать его в голове. Когда она открыла глаза, тень изменилась. Она потеряла форму Рена и стала более аморфной, но в ней всё ещё угадывались очертания дерева. Эля смотрела на это и чувствовала, как внутри неё поднимается что-то — не страх, не злость, а холодное осознание.

«Это не он, — подумала она. — Это я. Я создаю её. Я даю ей форму».

Она попыталась представить что-то другое — цветок, камень, птицу. Тень менялась, подчиняясь её мыслям. Она становилась тем, что Эля хотела видеть. Эля чувствовала, как внутри неё опускается что-то тяжёлое. Она не знала, было ли это облегчением или разочарованием. Она не знала, что хуже — верить, что это Рен, и ошибаться, или знать, что это не он, и потерять надежду.

Она лежала, глядя в небо, и не могла уснуть до самого утра.

Эля проснулась на рассвете. Первое, что она увидела, — тень. Она стояла рядом, всё ещё похожая на Рена. Но теперь она выглядела иначе. Менее чёткой, менее реальной. Как будто сомнение Эли отразилось на ней, стёрло детали. Эля смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё что-то изменилось. Она не знала, что это, но она знала, что это важно. Она знала, что её понимание тени начинает меняться.

Она смотрела на свои руки и замечала, что они не дрожат. Она чувствовала себя спокойной. Но она знала, что это спокойствие — не её. Она знала, что тень дала ей его. Она чувствовала, как холод внутри неё стал тише, как пустота заполнилась чем-то новым.

— Ты не ушёл, — сказала она. — Ты всё ещё здесь.

Тень не ответила. Но она стояла рядом, и этого было достаточно.

Она встала, собрала вещи и пошла вперёд. Она не смотрела на тень, но чувствовала её присутствие. Она знала, что это только начало. Она знала, что тень будет делать это снова. Она знала, что не сможет остановить её.

Они шли дальше. Дорога была пустынной, и ветер дул им в спину, поднимая сухие листья. Эля шла молча, и её мысли возвращались к тому, что сказал Аскар. Она думала о том, что тень реагирует на неё, а не на Рена. Она думала о том, что она становится плотнее, когда она злится, и светлеет, когда она успокаивается. Она думала о том, что она принимает его форму, когда она тоскует. Она думала о том, что это может быть правдой.

Она шла и не знала, что думать. Она чувствовала, как внутри неё борются две силы. Одна говорила: «Это он. Он здесь. Он никогда не уйдёт». Другая шептала: «Это не он. Это просто тень. Ты хочешь, чтобы это был он, поэтому ты чувствуешь это».

Она смотрела на тень, и её очертания становились всё менее чёткими. Она заметила, что чем больше она сомневается, тем меньше тень похожа на Рена. Она становилась просто тенью — тёмным пятном, которое скользило за ней. Но когда она закрывала глаза и вспоминала его лицо, тень снова становилась более очерченной, более знакомой.

Она не знала, что это значит. Она не знала, было ли это доказательством того, что Аскар был прав, или просто совпадением. Но она знала, что это важно.

Она остановилась и повернулась к тени. Она смотрела на неё долго, вглядываясь в тёмную фигуру. Она пыталась найти в ней что-то, что напоминало бы ей о Рене — не форму, не силуэт, а что-то более глубокое. Она пыталась почувствовать его присутствие, его тепло, его любовь. Но она чувствовала только холод.

— Если ты не он, — прошептала она, — тогда кто ты?

Тень не ответила. Но Эля почувствовала, как она слегка качнулась, как будто хотела ответить, но не могла. Эля смотрела на неё и чувствовала, как внутри неё растёт пустота. Она не знала, что делать. Она не знала, как жить с этой мыслью.

Она шла дальше, чувствуя, как холод становится частью её. Она смотрела на тень и чувствовала, как внутри неё растёт понимание. Она не знала, что это, но она знала, что это меняет её. Она знала, что её вера была сильнее страха. Но она также знала, что сомнение посеяно. И оно начало расти.

Она шла вперёд, и в груди у неё — только вера и боль. Она знала, что это только начало. Она знала, что тень будет делать это снова. Она знала, что не сможет остановить её. Но она знала, что он здесь. И этого было достаточно.

Она шла вперёд, чувствуя, как холод становится частью её, и думая о том, что, возможно, Аскар был прав. Но она не была готова принять это. Пока нет.

Она сжала кулаки и пошла быстрее. Она должна была найти ответы. Она должна была понять, что такое эта тень. Она должна была узнать, был ли это Рен или просто её боль, принявшая форму.

Она шла, и тень следовала за ней. Тонкая, почти невесомая, но она была здесь. Всегда.

Она шла вперёд, и в груди у неё — только вера и боль. Она знала, что это только начало. Она знала, что тень будет делать это снова. Она знала, что не сможет остановить её.

Но она знала, что он здесь. И этого было достаточно.

Она шла, и холод становился частью её. Она шла, и сомнение росло внутри неё. Она шла, потому что другого выхода у неё не было. Она шла, потому что если она остановится — она потеряет всё. А она уже потеряла достаточно.

Она смотрела на тень и чувствовала, как внутри неё что-то умирает. Или рождается. Она не знала, что это. Она знала только, что это меняет её. И она не была готова к этому. Но она шла. Она всегда будет идти.

Глава 13. Ты должен быть Реном!

Ночь не принесла ей покоя.

Эля лежала на земле, глядя в серое небо, и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается и разжимается в такт сердцу. Она не спала — она просто лежала, притворяясь, что отдыхает, пока Аскар сидел у костра и чистил свой нож. Она знала, что он видит её, знала, что он понимает — она не спит. Но он не говорил ничего. Он просто ждал.

Она думала о Рене. Она думала о том, как они встретились. Она думала о том, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Она думала о том, как он смеялся, как он держал её за руку, как он обещал, что никогда не оставит её. Она думала о том, как он умирал у неё на руках. Она думала о том, как кровь текла между её пальцев. Она думала о том, как он смотрел на неё в последний раз.

Она чувствовала, как внутри неё растёт что-то тёмное, что-то, что требует выхода. Она не знала, что это. Она знала только, что это меняет её. Она знала, что завтра она сделает то, что должна была сделать уже давно. Она поговорит с тенью. Настоящим разговором. Она задаст ей вопросы, на которые не может ответить никто, кроме Рена. И если тень ответит — она будет знать, что это он. Если нет — она будет знать, что это не он.

Она закрыла глаза и попыталась представить его лицо. Она видела его глаза — тёмные, глубокие, с искорками света, которые появлялись, когда он улыбался. Она видела его улыбку — не широкую, а сдержанную, как будто он не привык показывать свои чувства. Она видела его руки — сильные, тёплые, которые всегда находили способ успокоить её. Она видела его всего — его плечи, его спину, его походку. Она знала его так хорошо, что могла бы узнать его в любой темноте.

Но она также чувствовала, как его образ начинает тускнеть. Как черты его лица становятся менее чёткими. Как его голос становится более далёким. Она чувствовала, как память предаёт ее, как она выskalывает из её пальцев, как песок сквозь решето. Она знала, что если она забудет его — никто не вспомнит. Она была единственной, кто хранил его в своей памяти. Она была единственной, кто мог вернуть его.

Она почувствовала, как слёзы начинают подступать к глазам, но она подавила их. Она не хотела плакать. Она хотела быть сильной. Она хотела доказать, что она может справиться. Она хотела показать Аскару, что она не сломается. Но она знала, что это ложь. Она знала, что она уже сломана. Она просто не хотела это признавать.

Она смотрела на тень, которая стояла у края поляны, почти невидимая в темноте. Она знала, что она там. Она знала, что она ждала. Она знала, что она чувствовала то же, что и она — напряжение, предчувствие, надежду. Она не знала, была ли это тень или Рен, но она знала, что она не одна.

Она думала о том, что если она ошибётся — она потеряет всё. Она потеряет Рена. Она потеряет надежду. Она потеряет себя. Но она также думала о том, что если она не попытается — она никогда не узнает. И это было хуже, чем потерять всё. Это было жить с сомнением. А она не могла жить с сомнением. Она должна была знать. Она должна была понять.

Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в темноту.

Она проснулась затемно.

Не от кошмара — в этот раз он не пришёл, — а от ощущения, что внутри что-то сжалось, как пружина, готовая разжаться. Эля лежала, глядя в серое небо, и чувствовала, как её дыхание становится ровным, а мысли — острыми, как осколки стекла. Она знала, что сегодня всё изменится. Она не знала, как, но она чувствовала это каждой клеткой своего тела. Это

было похоже на то, как перед грозой воздух становится тяжёлым и неподвижным, а тишина — слишком громкой, почти осязаемой, как стена, которая вот-вот рухнет.

Тень стояла у края её одеяла — ближе, чем обычно. Она казалась спокойной, почти безмятежной, но Эля чувствовала в ней напряжение, как будто она ждала чего-то. Или знала, что произойдёт. Эля села, натянула сапоги, затянула ремни. Она не смотрела на Аскара, который уже сидел у остывшего костра, не смотрела на лес, который начинал просыпаться. Она смотрела только на тень.

Она смотрела на неё долго, вглядываясь в тёмную фигуру, которая едва заметно колебалась в сером утреннем свете. Она пыталась найти в ней что-то знакомое — не просто силуэт, а что-то более глубокое. Она пыталась вспомнить, как Рен стоял, когда ждал её. Как он наклонял голову, когда слушал. Как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Она пыталась найти эти жесты в тени, но видела только сгусток темноты.

— Ты знаешь, что я задумала? — прошептала она.

Тень не ответила. Но Эля почувствовала, как она слегка качнулась — не ветер, что-то другое. Как будто она кивнула. Или ей просто показалось.

Аскар поднял на неё взгляд, когда она встала. Его глаза были спокойными, но она заметила, как он задержал взгляд на её лице чуть дольше, чем обычно. Он видел, что она не спала. Он видел, что она что-то задумала. Но он не спросил. Он просто ждал.

— Ты рано, — сказал он.

— Мне нужно кое-что сделать, — ответила она. Голос её был ровным, но внутри всё дрожало.

— Что?

— Поговорить с ней.

Он не спросил, что это значит. Он просто кивнул, собрал мешок и пошёл вперёд. Эля пошла за ним, чувствуя, как каждый шаг приближает её к чему-то неизбежному. Тень скользила за ней, почти невесомая, но она чувствовала её присутствие — холодное, спокойное, ожидающее.

Они шли по дороге, которая петляла между холмами, покрытыми серой травой. Ветер был слабым, почти незаметным, но он нёс запах сухой земли и старого пепла. Эля смотрела на тень и чувствовала, как внутри неё растёт напряжение. Она не знала, с чего начать. Она не знала, как задать правильный вопрос. Она знала только, что должна попытаться.

Она несколько раз открывала рот, чтобы заговорить, но слова застревали в горле. Она чувствовала, как Аскар наблюдает за ней, но он не вмешивался. Он просто шёл впереди, оставляя ей пространство. Она слышала, как его сапоги шуршат по сухой траве, как его дыхание становится ровным и спокойным. Она завидовала этому спокойствию. Она хотела быть такой же — собранной, уверенной, непоколебимой. Но внутри неё всё кипело.

Она пыталась представить, что скажет. Она перебирала в голове все возможные вопросы — о дне их встречи, о первом поцелуе, о том, что он обещал ей, когда они были детьми. Она хотела найти тот, который станет доказательством. Тот, который сломает её сомнения. Она вспоминала каждую деталь их совместной жизни — каждый разговор, каждый смех, каждую минуту тишины. Она хотела найти вопрос, на который не мог ответить никто, кроме него.

Она думала о том, как они встретились в приюте. Она помнила его глаза — тёмные, настороженные, как у зверя, который не верит людям. Она помнила, как он сидел в углу, ни с кем не разговаривая, и как она боялась даже подойти к нему. Она помнила, как он сам пришёл к ней. Он подошёл и сказал: «Не бойся, я буду тебя защищать». И она поверила. Она всегда верила ему.

Она думала о том, как они сидели на крыше сарая и смотрели на закат. Она помнила, как он держал её за руку и говорил, что не боится темноты, потому что она рядом. Она помнила,

как он обещал, что никогда не оставит её. Она помнила его голос — низкий, тёплый, который успокаивал её даже в самые страшные моменты.

Она думала о том, как он смеялся. Как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Как он касался её лица, когда она была напугана. Она помнила каждое его прикосновение, каждое слово, каждый взгляд.

Она думала о том, как он учил её драться. Она помнила, как он стоял напротив неё с деревянным мечом и говорил: «Не бойся. Я не сделаю тебе больно. Но ты должна научиться защищать себя». Она помнила, как он смеялся, когда она падала. Как он помогал ей встать. Как он говорил: «Ты становишься сильнее. Я горжусь тобой».

Она думала о том, как он лечил её раны. Она помнила, как он сидел рядом с ней, когда она была больна, и держал её за руку. Она помнила, как он рассказывал ей истории, чтобы отвлечь её от боли. Она помнила, как он смотрел на неё с беспокойством, когда она кашляла, и как он улыбался, когда она поправлялась.

Она думала о том, как он был с ней в самые тёмные моменты. Она помнила, как он держал её за руку в ту последнюю ночь. Она помнила, как он сказал: «Беги. Я догоню». Она помнила, как он упал. Она помнила, как кровь текла между её пальцев.

Она хотела, чтобы тень подтвердила всё это. Она хотела, чтобы она сказала ей, что это было реальным. Что он был реальным. Что он всё ещё здесь.

Лес вокруг них становился всё более странным. Деревья росли криво, их ветви переплетались в неестественные узлы, а кора была покрыта глубокими шрамами — символами, которые Эля уже видела на пограничных камнях. Некоторые из них ещё слабо светились, как будто память о чём-то, что было здесь раньше, ещё не угасла. Эля остановилась, разглядывая их. Ей казалось, что они движутся, пульсируют в такт её сердцу.

Она почувствовала, как тень за её спиной стала более настороженной, как будто узнавала эти знаки. Она становилась плотнее, её очертания становились более чёткими. Эля чувствовала, как холод, исходящий от тени, становится более интенсивным, как он проникает под её кожу, как он заполняет её изнутри.

— Ты чувствуешь это место? — прошептала она, обращаясь к тени.

Она смотрела на символы на деревьях и чувствовала, как внутри неё растёт что-то — не страх, не злость, а холодное осознание. Она знала, что эти земли помнят смерть. Она знала, что эти земли помнят боль. Она знала, что эти земли помнят войну. И она знала, что тень тоже помнит.

Она чувствовала, как её собственные воспоминания начинают смешиваться с тем, что она видит. Она видела не просто символы на деревьях — она видела лица. Лица тех, кто умер здесь. Лица тех, кто сражался здесь. Лица тех, кто потерял всё. Она чувствовала, как их боль проникает в неё, как она становится частью её.

Она закрыла глаза и попыталась отогнать эти видения. Она не хотела видеть их. Она хотела видеть только Рена. Она хотела говорить только с ним. Но она чувствовала, как границы между её памятью и этим местом начинают стираться.

Она сделала глубокий вдох и открыла глаза. Она смотрела на тень и чувствовала, как внутри неё растёт решимость. Она знала, что должна сделать это. Она знала, что должна спросить.

Наконец они остановились на привал у старого поваленного дерева. Аскар сел на ствол, достал хлеб и воду, но Эля не хотела есть. Она стояла в стороне, глядя на тень, и чувствовала, как её сердце начинает биться быстрее. Она сделала глубокий вдох и начала говорить.

— Рен, — сказала она, и голос её дрогнул. — Ты слышишь меня?

Тень молчала. Но Эля заметила, как её очертания слегка изменились — стали чуть более чёткими, будто она прислушивалась. Это было едва заметное движение, но она увидела его. И это дало ей надежду.

— Я знаю, что ты слышишь меня, — продолжала она, и голос её стал твёрже. — Я хочу спросить тебя кое-что.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Она чувствовала, как взгляд Аскара тяжелеет на её спине, но она не обернулась. Она смотрела только на тень.

— Как я называла тебя, когда мы были одни? — спросила она. — Ты помнишь? Только ты знаешь.

Тень молчала. Тишина висела между ними, густая и липкая, как патока. Эля смотрела на тень, чувствуя, как внутри неё закипает надежда. Она хотела, чтобы тень ответила. Она хотела, чтобы она сказала что-то, что вернёт ей веру.

Но тень молчала.

Эля сжала зубы и попыталась успокоиться. Она знала, что нельзя сдаваться. Она знала, что должна продолжать. Она закрыла глаза и представила его лицо. Она вспомнила, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Она вспомнила его улыбку. Она вспомнила его голос. Она слышала его в своей голове, но он был далёким, как эхо в горах. Она чувствовала, как память начинает тускнеть, как черты его лица становятся менее чёткими. И это пугало её больше, чем всё остальное.

— Хорошо, — сказала она, открывая глаза. — Тогда скажи, что было в тот день, когда мы встретились. Ты помнишь? Ты сидел в углу и ни с кем не разговаривал. А я боялась даже подойти к тебе. Но ты сам пришёл ко мне. Ты сказал: «Не бойся, я буду тебя защищать». Ты помнишь это?

Тень не ответила. Но Эля заметила, как она слегка качнулась, как будто хотела ответить, но не могла. Она почувствовала, как внутри неё разливается надежда. Она знала, что он слышит. Она знала, что он помнит.

— Ты помнишь, — сказала она. — Я знаю, что ты помнишь.

Они пошли дальше. Эля продолжала говорить, и её голос становился громче, более настойчивым. Она говорила о вещах, которые только они знали. О местах, где они были. О моментах, которые были только их. О том, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. О том, как он смеялся, когда она падала с дерева. О том, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит.

— Ты помнишь, как мы сидели на крыше сарая и смотрели на закат? — спросила она, и голос её дрожал от напряжения. — Ты помнишь, как я боялась темноты, и ты держал меня за руку? Ты помнишь, как ты обещал, что никогда не оставишь меня?

Тень не отвечала. Но её очертания становились более чёткими, более знакомыми. Она начала напоминать Рена. Эля чувствовала, как внутри неё растёт уверенность. Она знала, что он слышит. Она знала, что он помнит.

— Ты помнишь, как мы смотрели на звёзды? — продолжала она, и голос её становился более настойчивым. — Ты помнишь, как ты говорил, что они похожи на огоньки, которые зажгли для нас? Ты помнишь, как я сказала, что боюсь, что они погаснут? И ты сказал: «Я буду зажигать их для тебя каждый раз, когда они будут гаснуть»? Ты помнишь это?

Тень стала более плотной. Её очертания стали почти человеческими. Эля видела плечи, спину, профиль. Она чувствовала, как внутри неё разливается надежда. Она знала, что он слышит. Она знала, что он помнит.

— Ты помнишь, как я падала с дерева и сломала руку? — спросила она. — Ты нёс меня почти километр до лекаря. Ты кричал на всех: на прохожих, на собак, на торговцев. Ты говорил, что я умру, если кто-то не поможет. А я просто сломала руку. Ты помнишь это?

Тень качнулась, и Эля почувствовала, как холодок пробежал по её спине. Она не знала, было ли это ответом, но она ухватилась за это чувство, как за спасательный круг.

— Ты помнишь, как ты учил меня драться? — продолжала она, и голос её стал более настойчивым. — Ты стоял напротив меня с деревянным мечом и говорил: «Не бойся. Я не сделаю тебе больно. Но ты должна научиться защищать себя». Я падала, и ты помогал мне встать. Ты говорил: «Ты становишься сильнее. Я горжусь тобой». Ты помнишь это?

Тень стала ещё более чёткой. Эля видела, как она слегка наклонила голову, как будто кивала. Она чувствовала, как внутри неё разливается тепло. Она знала, что он слышит. Она знала, что он помнит.

Она продолжала говорить, и её голос становился более отчаянным. Она рассказывала о том, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. Она рассказывала о том, как он смеялся, когда она падала с дерева. Она рассказывала о том, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Она рассказывала о том, как он говорил, что она — его мир.

— Ты помнишь, как я плакала, когда умерла моя мать? — спросила она, и голос её сорвался. — Ты сидел рядом со мной и не говорил ни слова. Ты просто держал меня за руку. Ты сказал: «Я здесь. Я никогда не уйду». Ты помнишь это?

— Ты помнишь, как я хотела уйти из приюта? — продолжала она. — Ты сказал: «Если ты уйдёшь, я пойду с тобой». Ты сказал: «Мы всегда будем вместе». Ты помнишь это?

Тень молчала. Но Эля чувствовала, как она становится теплее. Она чувствовала, как холод, исходящий от неё, становится менее интенсивным. Она чувствовала, как тень отвечает ей — не словами, а присутствием. Она была рядом. Она слушала. Она помнила.

Эля продолжала говорить. Она говорила о том, как он держал её за руку, когда она боялась темноты. Она говорила о том, как он смеялся, когда она падала с дерева. Она говорила о том, как он смотрел на неё, когда думал, что она не видит. Она говорила о том, как он говорил, что она — его мир.

Они остановились на ночлег. Аскар развёл костёр, и огонь осветил поляну. Эля сидела у костра, глядя на тень, которая стояла на границе света. Она чувствовала, как внутри неё всё сжимается. Она знала, что это её последний шанс. Она должна была услышать своё имя. Она должна была услышать, как он произносит его — так, как делал это только он. С той интонацией, с тем теплом, с той любовью, которые принадлежали только им.

Она встала и подошла ближе к тени. Пламя костра дрожало, и свет играл на её лице, делая его бледным и напряжённым. Она смотрела на тень, и её голос был тихим, почти шёпотом.

— Рен, — сказала она. — Пожалуйста. Просто скажи моё имя. Как ты называл меня, когда мы были одни. Только ты знаешь. Пожалуйста.

Тень не отвечала. Но её очертания начали меняться. Они становились более чёткими, более знакомыми. Эля видела плечи, спину, профиль. Она видела, как тень принимает форму Рена. Она чувствовала, как внутри неё разливается надежда.

— Да, — сказала она. — Да, ты помнишь. Ты знаешь. Ты слышишь меня.

Тень медленно подняла руку. Она сделала жест, который Эля узнала. Жест Рена. Он всегда делал так, когда хотел успокоить её — медленно проводил пальцами по воздуху, как будто рисовал невидимую линию. Эля почувствовала, как сердце пропускает удар. Она вскочила на ноги.

— Это ты! — крикнула она. — Я знала! Я знала, что это ты!

Но тень замерла. Её очертания стали менее чёткими, и она снова стала просто тенью. Эля смотрела на неё, и внутри неё всё рухнуло.

— Нет, — сказала она, и голос её сорвался. — Нет, не уходи. Пожалуйста. Скажи моё имя. Скажи его.

Тень не отвечала. Она стояла неподвижно, безжизненно. Эля смотрела на неё, и внутри неё поднималась ярость. Горячая, неконтролируемая, которая выжигала всё на своём пути. Она чувствовала, как она поднимается из груди, как заливает её тело, как требует выхода.

— Скажи моё имя! — крикнула она, и её голос разнёсся по поляне, разрывая тишину. — Ты знаешь его! Ты всегда знал его! Почему ты не говоришь?! Почему ты молчишь?!

Она плакала. Слёзы текли по её лицу, смешиваясь с грязью и потом. Она била кулаками по земле, чувствуя, как боль пронзает руки, но она не останавливалась. Она кричала, пока не сорвала голос. Она просила, умоляла, требовала. Она хотела, чтобы Рен вернулся. Она хотела услышать его голос. Она хотела, чтобы он сказал её имя.

— Ты обещал! — кричала она. — Ты обещал, что никогда не оставишь меня! Ты обещал, что будешь со мной! Где ты?! Почему ты молчишь?!

Она чувствовала, как её голос срывается на хрип, как горло начинает болеть от крика, но она не могла остановиться. Она била кулаками по земле, и каждый удар отдавался болью в руках, но она не чувствовала её. Она чувствовала только ярость, которая выжигала всё внутри неё.

— Я не хочу, чтобы ты молчал! — кричала она. — Я хочу, чтобы ты говорил! Я хочу слышать твой голос! Я хочу знать, что ты здесь!

Тень начала темнеть. Её очертания стали более плотными, почти осязаемыми. Она поднималась, как чёрная волна, и Эля почувствовала, как холод разливается по её телу. Она не понимала, что происходит. Она видела только тень, которая становилась больше, сильнее, опаснее. Она видела, как она тянется к ней, как её руки становятся осязаемыми.

— Рен? — сказала она, и голос её дрожал.

Тень тянется к ней. Она касается её плеча, и Эля чувствует, как холод проникает под кожу. Она чувствует, как холод разливается по её телу, как он проникает в каждую клетку, как он заполняет её изнутри. Её пальцы начинают неметь. Её дыхание перехватывает. Она чувствует, как холод поднимается к груди, как он сжимает сердце, как он заставляет её дышать тяжелее.

— Рен! — крикнула она, и её голос сорвался.

Аскар вскочил на ноги. Он подошёл ближе, и его голос был резким, как удар хлыста.

— Хватит!

Он сделал жест, и тень отступила. Она стала менее плотной, её очертания потеряли чёткость. Эля смотрела на него с ненавистью. Чистой, горячей, которая требовала выхода. Она хотела ударить его. Она хотела, чтобы он исчез.

— Ты сделал ему больно! — крикнула она. — Ты не имеешь права! Ты не знаешь его!

— Ему уже не больно, — сказал он. — А ты — жива. И она питается этим. Ты даёшь ей силу.

— Заткнись!

— Посмотри на себя, — сказал он, и его голос стал тише, но не менее твёрдым. — Ты дрожишь. Ты не можешь стоять. Она тебя убивает.

Эля смотрела на него, и в её глазах — злость, боль, отчаяние. Она хотела ударить его. Она хотела, чтобы он исчез. Но она не могла. Её тело не слушалось её. Она чувствовала, как силы покидают её, как она становится пустой, как внутри неё образуется чёрная дыра, которая затягивает всё.

Она упала на колени. Её силы иссякли. Она чувствовала, как холод покидает её тело, как пустота заполняет её изнутри. Она не могла стоять. Она не могла говорить. Она смотрела на свои руки — они дрожали. Она смотрела на тень — она стояла на месте, неподвижная, как будто ничего не произошло.

Она смотрела на свои руки, на грязь под ногтями, на царапины, которые остались от ударов о землю. Она чувствовала, как боль в руках начинает проступать сквозь пелену ярости.

Она чувствовала, как слёзы смешиваются с пылью на её лице. Она чувствовала себя уничтоженной — не физически, а внутри, там, где раньше была её вера.

Аскар смотрел на неё. Он не протягивал руку, не помогал ей встать. Он просто стоял и наблюдал. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась усталость. Он ждал, пока она сама встанет.

— Ты должна научиться контролировать это, — сказал он.

— Я не могу, — сказала она, и голос её был слабым, как шёпот.

— Ты должна, — сказал он. — Иначе она убьёт тебя.

Она смотрела на него, и в её глазах — пустота. Она не знала, что делать. Она не знала, как жить. Она просто стояла на коленях и смотрела на тень, которая стояла рядом, тонкая и почти невесомая.

Ночь прошла в тишине. Эля лежала на земле, глядя в небо, и не могла уснуть. Она смотрела на тень, которая стояла рядом, как всегда. Она не знала, что это. Она не знала, что будет дальше. Она просто лежала и смотрела в темноту.

Она думала о том, что произошло. Она думала о том, как кричала, как плакала, как била кулаками по земле. Она думала о том, что тень стала больше, сильнее, опаснее. Она думала о том, что Аскар сказал: «Она убивает тебя».

Она думала о том, что он был прав. Она чувствовала, как холод проникает в неё, как он заполняет каждую клетку, как он высасывает из неё жизнь. Она чувствовала, как она становится слабее, как её силы уходят, как она превращается в пустую оболочку. Она знала, что если это продолжится, она умрёт. Но она не знала, как остановить это.

Она думала о том, что Рен ушёл. Она думала о том, что тень — это не он. Она думала о том, что Аскар был прав. Она думала о том, что она не хотела верить этому. Но она не могла отрицать, что сомнения растут внутри неё.

Она сидела, глядя на тень, и чувствовала, как внутри неё что-то умирает. Она не знала, что это. Она знала только, что это меняет её. Она чувствовала, как её вера начинает трескаться, как она рассыпается на куски, как она превращается в пыль. Она чувствовала, как надежда покидает её, как она исчезает в темноте.

Она чувствовала себя одинокой. Не просто одинокой — а покинутой. Как будто весь мир отвернулся от неё. Как будто она осталась одна в темноте, и никто не придёт к ней на помощь.

Она сидела, глядя в темноту, и чувствовала, как слёзы начинают течь по её лицу. Она не вытирала их. Она просто сидела и плакала. Она плакала по Рену. Она плакала по себе. Она плакала по всему, что потеряла. Она чувствовала, как её сердце разрывается на части, как каждая часть падает в пустоту, как она исчезает в этой темноте.

Она сидела и плакала, пока не устала. Она сидела и плакала, пока внутри неё не стало пусто. Она сидела и плакала, пока не поняла, что слёзы не помогут. Они не вернут его. Они не сделают её сильнее. Они не изменят ничего.

— Ты действительно хочешь убить меня? — прошептала она в темноту.

Тень не ответила. Но Эля почувствовала, как она слегка качнулась, как будто хотела ответить, но не могла. Эля смотрела на неё, и внутри неё разливалось странное чувство — смесь страха и уважения. Она не знала, что это. Она знала только, что это меняет её.

Она легла на землю, глядя в небо. Она закрыла глаза и попыталась представить, что было бы, если бы Рен был здесь. Что бы он сказал? Что бы он сделал? Она знала, что он сказал бы ей не сдаваться. Он сказал бы ей идти дальше. Он сказал бы ей быть сильной. Она знала, что он никогда не хотел, чтобы она страдала. Он всегда хотел, чтобы она была счастлива.

Она открыла глаза и посмотрела на тень. Она стояла рядом, тонкая и почти невесомая. Она не была Реном. Но она была частью его. Она была тем, что осталось. И Эля знала, что она не может оставить её. Она не может оставить его.

Она заснула под утро.

Она проснулась на рассвете. Она чувствовала себя опустошённой — не просто уставшей, а выжженной изнутри. Она смотрела на свои руки — они дрожали. Она смотрела на тень — она стояла на месте, неподвижная, как будто ничего не произошло.

Аскар сидел у костра, чистил нож. Он не смотрел на неё. Он просто сказал:

— Ты в порядке?

— Нет, — сказала она, и голос её был пустым.

— Знаю, — сказал он. — Идём.

Она встала, чувствуя, как ноги дрожат. Она смотрела на тень, и внутри неё разливалось странное чувство — смесь страха и уважения. Она не знала, что это. Она знала только, что это меняет её.

Она пошла за Аскаром, чувствуя, как холод становится частью её. Она знала, что это только начало. Она знала, что тень будет делать это снова. Она знала, что не сможет остановить её. Но она знала, что она не сдастся. Пока не узнает правду.

Она шла по дороге, и её мысли возвращались к тому, что произошло ночью. Она думала о том, как кричала, как плакала, как била кулаками по земле. Она думала о том, что Аскар сказал: «Она убивает тебя». Она думала о том, что он был прав. Она чувствовала, как холод проникает в неё, как он заполняет каждую клетку, как он высасывает из неё жизнь. Она чувствовала, как она становится слабее, как её силы уходят, как она превращается в пустую оболочку. Она знала, что если это продолжится, она умрёт. Но она не знала, как остановить это.

Она думала о том, что Рен ушёл. Она думала о том, что тень — это не он. Она думала о том, что Аскар был прав. Она думала о том, что она не хотела верить этому. Но она не могла отрицать, что сомнения растут внутри неё. Она чувствовала, как её вера начинает трескаться, как она рассыпается на куски, как она превращается в пыль. Она чувствовала, как надежда покидает её, как она исчезает в темноте.

Она смотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Но она знала, что это пройдёт. Она знала, что она станет сильнее. Она знала, что она сможет контролировать это. Она должна была.

Она шла вперёд, и внутри неё росло понимание. Она не знала, что будет дальше. Она не знала, что принесёт следующий день. Но она знала, что она не одна. И это было главное.

Она смотрела на небо, на серые облака, которые тянулись бесконечными полосами, похожими на шрамы. Она чувствовала, как ветер дует в лицо, принося запах земли и старого пепла. Она знала, что эти земли помнят смерть. Она знала, что эти земли помнят боль. Она знала, что эти земли помнят войну. И она знала, что тень тоже помнит.

Глава 14. Первый настоящий разговор

Эля проснулась от того, что кто-то дышал рядом.

Сначала она не поняла, где находится. В голове было пусто и тихо, как в комнате, из которой вынесли всю мебель. Она лежала на земле, чувствуя, как тело отказывается слушаться, как каждая мышца ноет от напряжения, как кости гудят от усталости. Небо было серым, но не холодным — воздух казался тёплым и влажным, пах дымом и мокрой землёй, прелыми листьями и чем-то ещё, что она не могла определить. Может быть, просто покоем.

Она закрыла глаза и снова провалилась в темноту.

Она не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Когда она снова открыла глаза, солнце поднялось выше, и его лучи пробивались сквозь кроны деревьев, оставляя на земле длинные золотистые полосы. В воздухе висела тишина — не та, что давит, а та, что успокаивает. Где-то вдали пела птица. Эля лежала, глядя в небо, и чувствовала, как её дыхание становится ровным, как сердце замедляется, как внутри неё появляется что-то новое. Не надежда. Просто желание дышать.

Аскар сидел на камне, чистил нож. Он не смотрел на неё, но она знала, что он видел, как она открыла глаза. Он всегда знал. Он всегда ждал.

— Ты в порядке? — спросил он. Голос его был ровным, без жалости, без раздражения.

— Нет, — сказала она. Голос её был хриплым, будто она кричала всю ночь. Хотя она не кричала. Она просто лежала и молчала, глядя в темноту.

— Я знаю, — сказал он.

Она лежала и смотрела в небо. Она чувствовала, как холод, исходящий от тени, касается её кожи, как он становится менее интенсивным. Она не знала, что это значит. Она знала только, что она не может встать. Её тело не слушалось её, как будто все силы, которые она держала внутри, вытекли за ночь, оставив только пустоту и усталость.

Аскар встал, подошёл к ней и протянул кусок хлеба. Она смотрела на него, но не брала. Хлеб был сухим, с тёмной корочкой, и пах дымом. Она чувствовала запах, но не чувствовала голода.

— Ты должна поесть, — сказал он.

— Не хочу, — сказала она. Голос её был слабым, как шёпот.

— Знаю, — сказал он. — Но ты должна.

Она взяла хлеб и откусила маленький кусочек. Она чувствовала, как сухой хлеб царапает горло, как он застревает в груди. Она жевала медленно, чувствуя, как внутри неё появляется немного сил. Она смотрела на свои руки — они дрожали. Она смотрела на тень — она стояла на месте, неподвижная, как будто ничего не произошло.

— Почему ты заботаешься обо мне? — спросила она, глядя на него.

— Я не забочусь, — сказал он. — Я просто не хочу тащить тебя на себе.

Она почти улыбнулась. В его словах не было злости, только правда. Она знала, что он не из тех, кто говорит красивые вещи. Он говорил то, что думал, и это было странно успокаивающе.

Она сидела, глядя на свои руки, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Она думала о том, что произошло вчера. Она думала о том, как кричала, как плакала, как била кулаками по земле. Она думала о том, что тень стала больше, сильнее, опаснее. Она думала о том, что Аскар сказал: «Она убивает тебя».

Она думала о том, что он был прав.

Она смотрела на свои руки и замечала, что они перестали дрожать. Она чувствовала себя спокойной. Но она знала, что это спокойствие — не её. Она знала, что тень дала ей его. Она чувствовала, как холод внутри неё стал тише, как пустота заполнилась чем-то новым.

Аскар ушёл к ручью умыться. Эля осталась одна. Она сидела на земле, чувствуя, как её тело начинает возвращаться к жизни. Она смотрела на тень, которая стояла на границе поляны, и чувствовала, как холод становится менее интенсивным. Она слышала, как Аскар плещет воду, как ветер шуршит в листьях, как птицы поют вдалеке. Она слышала своё дыхание — ровное, спокойное, живое.

Она смотрела на свои руки, на грязь под ногтями, на царапины, которые остались от вчерашнего срыва. Она чувствовала, как боль в руках начинает стихать, как внутри неё появляется что-то новое — не надежда, а просто желание дышать.

Она думала о Рене. Она думала о том, что он сказал бы, если бы увидел её сейчас. Она знала, что он сказал бы ей не сдаваться. Он сказал бы ей идти дальше. Он сказал бы ей быть сильной. Она знала, что он никогда не хотел, чтобы она страдала. Он всегда хотел, чтобы она была счастлива.

Но она не была счастлива. Она не была сильной. Она была сломлена. Но она всё ещё дышала. И этого было достаточно.

Аскар вернулся. Лицо у него было влажное, волосы мокрые, и от него пахло водой и травой. Он сел на камень, вытер руки о штаны и посмотрел на неё.

— Ты когда-нибудь отдыхал? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

Она смотрела на него, и внутри неё появлялось что-то новое. Любопытство. Она хотела узнать о нём больше. Она хотела понять, кто он такой. Она хотела знать, почему он здесь, почему он согласился вести её в Ноктарские земли, почему он остался, когда мог уйти.

— Ты всегда был один? — спросила она.

Он не ответил. Она смотрела на него, но он не поднимал глаз. Он смотрел на огонь, на пламя, которое плясало на ветру. Его лицо было спокойным, но она чувствовала, что за этим спокойствием скрывалось что-то.

— Я тоже, — сказала она. — До того, как встретила Рена.

Она смотрела на огонь, и пламя танцевало в её глазах. Она думала о том, как она жила в приюте. Как она хотела убежать. Как она чувствовала себя чужой среди других детей. Как она боялась доверять. Как она нашла Рена. Как он стал её миром.

Она вспоминала тот день в приюте. Ей было девять. Она сидела на подоконнике, глядя в окно, и чувствовала себя пустой. Другие дети играли во дворе, смеялись, бегали, но она не хотела присоединяться к ним. Она боялась, что они обидят её. Она боялась, что они отвергнут её. Она боялась, что она не сможет доверять им. И тогда он подошёл к ней. Он был старше, худее, с тёмными глазами, в которых горела злость на весь мир. Он сел рядом с ней на подоконник и ничего не сказал. Он просто сидел рядом и смотрел в окно. И она чувствовала, как её страх начинает уходить.

— Ты думаешь, я смогу снова стать нормальной? — спросила она, глядя на Аскара.

— Ты не была нормальной, — сказал он. — Ты была той, кто потерял всё. Это другое.

Она смотрела на него, и внутри неё появлялось что-то новое. Понимание. Она не знала, что он чувствовал, но она знала, что это было похоже на то, что чувствовала она.

— Почему ты не ушёл? — спросила она.

— Куда? — спросил он.

— Отсюда. От всего этого.

Он посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло что-то — усталость или принятие.

— Не было смысла, — сказал он.

Она не знала, что ответить. Она просто смотрела на него, чувствуя, как внутри неё что-то меняется. Она думала о том, что он, возможно, чувствовал то же, что и она. Что он тоже потерял кого-то. Что он тоже был один.

— Я никогда не спрашивала, почему ты стал проводником, — сказала она.

— Потому что это было единственное, что я умел делать, — сказал он.

— Ты умеешь делать больше, — сказала она.

Он не ответил. Он просто сидел у костра и смотрел на огонь.

Они сидели в тишине, и она слышала, как дрова трещат в костре, как ветер шуршит в листьях. Она чувствовала, как холод, исходящий от тени, становится менее интенсивным. Она смотрела на тень и замечала, что её очертания стали более чёткими, как будто она прислушивалась к их разговору. Она не знала, было ли это её воображением, но она чувствовала, что тень тоже меняется.

— Она слышит нас, — сказала она тихо.

Аскар посмотрел на неё, потом на тень.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Я чувствую это. Она слушает.

Он не спросил, как она знает. Он просто кивнул.

Они сидели у костра, глядя на огонь. Время шло медленно, как будто они не торопились. Эля чувствовала, как внутри неё появляется что-то новое — спокойствие. Она не знала, что будет дальше, но она знала, что она не одна.

Аскар достал вяленое мясо и протянул ей. Она взяла кусок, откусила, чувствуя, как соль обжигает язык. Она жевала медленно, глядя на огонь. Она чувствовала, как тепло касается её лица, как внутри неё появляется что-то новое — не надежда, а просто желание дышать.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы остановиться? — спросила она.

— Каждый день, — сказал он.

Она почти улыбнулась. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё появляется что-то тёплое. Она не знала, что это было, но она знала, что это было похоже на доверие.

Она думала о том, что произошло вчера. Она думала о том, как кричала, как плакала, как била кулаками по земле. Она думала о том, что тень стала больше, сильнее, опаснее. Она думала о том, что Аскар сказал: «Она убивает тебя». Она думала о том, что он был прав. Она чувствовала, как холод проникает в неё, как он заполняет каждую клетку, как он высасывает из неё жизнь. Она чувствовала, как она становится слабее, как её силы уходят, как она превращается в пустую оболочку. Она знала, что если это продолжится, она умрёт. Но она не знала, как остановить это.

Теперь, сидя у костра, она чувствовала, что что-то изменилось. Она не знала, что именно, но она чувствовала, что холод внутри неё стал тише. Она смотрела на тень и чувствовала, как она становится более спокойной, более собранной. Она не знала, было ли это связано с её эмоциями, но она знала, что это важно.

— Скажи, — сказала она. — Ты действительно считаешь, что это не он?

Аскар посмотрел на неё. Его глаза были спокойными, и она не могла понять, что он думает.

— Я считаю, что ты должна узнать правду, — сказал он. — Даже если это больно.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло. Она знала, что он прав. Она должна была узнать. Даже если это было больно. Даже если это разрушало её надежду.

— Я попытаюсь, — сказала она. — Я попытаюсь говорить с ней. Не кричать. Просто говорить.

Аскар кивнул.

— Начни с малого, — сказал он. — Просто скажи что-нибудь.

Она смотрела на тень, и внутри неё росло напряжение. Она знала, что должна сделать это. Она знала, что должна попытаться.

— Рен, — сказала она тихо. — Я знаю, что ты здесь. Я не знаю, можешь ли ты говорить. Но я хочу, чтобы ты знал: я всё ещё здесь. Я всё ещё иду.

Тень молчала. Но Эля чувствовала, как она слегка качнулась, как будто отвечала.

— Я не знаю, что будет дальше, — продолжала она. — Но я знаю, что не остановлюсь.

Она смотрела на тень, и внутри неё появлялось что-то новое. Не надежда. Просто желание продолжать.

Они сидели у костра, пока солнце не начало клониться к закату. Эля чувствовала, как её глаза начинают закрываться, как сон начинает брать своё. Она смотрела на тень, которая стояла рядом, и чувствовала, как холод становится менее интенсивным. Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в темноту.

Но сон не был глубоким. Она видела сны — не кошмары, а что-то другое. Она видела Рена. Он стоял на поляне, освещённой лунным светом, и улыбался ей. Она хотела подойти к нему, но не могла двинуться. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё разливается тепло. Она хотела сказать ему что-то, но слова не приходили. Он просто стоял и смотрел на неё, и его глаза были полны любви. Она хотела, чтобы это никогда не заканчивалось.

Но потом он начал исчезать. Он становился прозрачным, как туман, и она чувствовала, как его тепло уходит. Она пыталась крикнуть ему, чтобы он не уходил, но её голос застревал в горле. Она смотрела, как он исчезает, и чувствовала, как внутри неё растёт пустота.

Она проснулась с криком, застрявшим в горле. Она сидела на земле, тяжело дыша, и чувствовала, как холод разливается по её телу. Она смотрела на тень, и ей казалось, что она видит в ней Рена. Не просто силуэт, а его лицо. Его глаза. Его улыбку. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри неё что-то меняется.

— Рен, — прошептала она.

Тень стояла на месте, неподвижная.

Эля проснулась на рассвете. Она чувствовала себя немного лучше — не отдохнувшей, но не такой разбитой. Она смотрела на свои руки, которые больше не дрожали. Она смотрела на тень, которая стояла рядом, и чувствовала, как холод становится менее интенсивным.

Аскар проснулся, когда солнце уже поднялось над горизонтом. Он сел у костра, развёл огонь и посмотрел на неё.

— Ты говорила с ней во сне? — спросил он.

— Я не знаю, — сказала она.

— Ты кричала, — сказал он.

Она смотрела на него, и внутри неё что-то дрогнуло.

— Я видела его, — сказала она. — Он улыбался мне. Я хотела подойти к нему, но не могла. А потом он начал исчезать.

Аскар молчал. Он не говорил, что это было просто сном. Он не говорил, что ей показалось. Он просто слушал.

— Я хочу знать, что это, — сказала она. — Я хочу знать, действительно ли это он. Или это просто моя боль.

— Ты узнаешь, — сказал он. — Когда будешь готова.

Она смотрела на него, и внутри неё появлялось что-то новое. Она не знала, что это, но она знала, что это важно.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? — спросил он.

— За то, что не оставил меня там.

Он не ответил. Он просто сидел у костра и смотрел на огонь.

Эля сидела на земле, глядя на свои руки. Она чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Она не знала, что это, но она знала, что это важно. Она чувствовала, как её вера начинает возвращаться. Не такая, как раньше — не слепая, а более осознанная. Она знала, что тень могла быть не Реном. Но она также знала, что Рен был там, где-то внутри неё. И она была уверена, что найдёт его.

Она смотрела на тень, и её очертания стали более чёткими. Она чувствовала, как холод, исходящий от неё, стал менее интенсивным. Она не знала, что это значит. Она знала только, что это меняет её.

Она встала. Ноги дрожали, но она стояла. Она смотрела на Аскара, который сидел у костра и смотрел на огонь. Она чувствовала, как тень стоит рядом, и как холод, исходящий от неё, стал менее интенсивным.

— Завтра мы пойдём? — спросила она.

— Да, — сказал он.

— Ты будешь идти со мной?

Он посмотрел на неё, и в его глазах промелькнуло что-то — удивление или уважение.

— Я всегда буду идти с тобой, — сказал он. — До тех пор, пока ты платишь.

Она почувствовала, как внутри неё появляется улыбка. Она не знала, что будет дальше, но она знала, что он будет рядом.

Она села у костра. Она смотрела на огонь, на пламя, которое плясало на ветру. Она чувствовала, как тепло касается её лица, как внутри неё появляется что-то новое — не надежда, а просто желание дышать.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? — спросил он.

— За то, что не оставил меня там.

Он не ответил. Он просто сидел у костра и смотрел на огонь.

Ночь была тихой. Звёзды ярко светили в небе, и ветер был слабым. Эля сидела у костра, глядя на огонь, и чувствовала, как её мысли становятся более ясными. Она думала о том, что будет дальше. Она думала о том, что она найдёт в Ноктарских землях. Она думала о том, что она скажет тени завтра.

Она чувствовала, как внутри неё растёт что-то новое. Не надежда, а просто уверенность. Она знала, что ей нужно продолжать. Она знала, что ей нужно найти ответы. Она знала, что она должна быть сильной.

Она смотрела на тень, которая стояла рядом, и чувствовала, как холод становится менее интенсивным. Она не знала, что это значит. Она знала только, что это меняет её.

Она заснула с мыслью о том, что завтра будет новый день. И она будет готова.

Глава 15. Пограничный город

Пограничный город встретил их дымом и узкими воротами. Всё вокруг имело слишком чёткие края, словно мир вырезали заново и забыли сгладить швы. Стража записывала имена не чернилами, а кусками угля на серой доске. Эля замечала детали почти болезненно: царапины на створках ворот были свежими, будто ночью их пытались открыть снаружи. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

В ней жила решимость, только не светлая и прямая, а тёмная, как корень, который растёт под землёй и ломает камень снизу. Её цель была простой только на словах: найти ночлег и понять, где северная дорога выходит из города. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: у ворот стояла городская мера с двумя писцами и отрядом людей в серых плащах. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но девочка с рыжими косами смотрела на Элю так, будто уже знала её имя заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

От Тени тянуло холодом, но теперь в этом холоде было движение. Не дыхание и не воля человека, а собственный ритм существа, которое слишком долго кормили болью. На этот раз она потянулась не к Эле, а к девочке Лиссе, которую толкнули к канаве. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где царапины на створках ворот были свежими, будто ночью их пытались открыть снаружи, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень впервые закрыла не Элю, а ребёнка, и город увидел это Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Аскар не утешал её быстрыми словами. Он проверял дорогу, ставил себя между ней и чужим взглядом, отдавал последний сухой хлеб и делал вид, что это расчёт. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: найти ночлег и понять, где северная дорога выходит из города. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: чёрная бусина под колесом дозорной телеги. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Старые дороги помнили войну лучше живых: у каждого поворота была своя могила, у каждой заставы — свой запрет. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

После рывка силы пальцы несколько минут не слушались, а собственное имя показалось Эле чужим, как имя на могильном камне. Эта плата пришла после того, как тень впервые закрыла не Элю, а ребёнка, и город увидел это. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они получили северное направление и новую угрозу от меры. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

На рынке было слишком много глаз. Тишина не успокаивала. Она следила, задерживалась за спиной и меняла форму вместе с каждым шагом. Караванчики считали пропажу плохим знаком и прятали товар под мокрой рогожей. Эля замечала детали почти болезненно: у пустого прилавка лежали обрывки синей ткани с засохшей грязью. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Каждый новый ответ делал её не свободнее, а ответственнее, и это было почти невыносимо. Её цель была простой только на словах: расспросить о пропавшем караване. Но простые цели на границе всегда обрастают чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: торговец отказался говорить, пока Аскар не показал старую монету проводника. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Лисса шепнула, что её брат ушёл с тем караваном заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Тень держалась рядом, но больше не походила на послушную привязанную вещь. Она задерживалась у чужих ран, тянулась к невысказанному и возвращалась только после второго приказа. На этот раз она потянулась не к Эле, а к старому продавцу, у которого дрожали руки. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где у пустого прилавка лежали обрывки синей ткани с засохшей грязью, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. страх толпы перешёл в глухую злость, и Эля поняла, что город готов продать их за покой Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Он держался на расстоянии, которое можно было принять за холодность, но каждый раз оказывался именно там, где её могло сорвать. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: расспросить о пропавшем караване. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: три чёрные бусины, сшитые в край детского мешочка. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. У Эфиров свет означал свидетельство, у Ноктаров тень означала род. Между этими законами Эля стояла как ошибка, которую оба мира боялись признать. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Тело заплатило слабостью, но страшнее была другая потеря: один тёплый день из прошлого стал плоским и бесцветным. Эта плата пришла после того, как страх толпы перешёл в глухую злость, и Эля поняла, что город готов продать их за покой. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: пропавший караван стал их дорогой, а не чужой бедой. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Дом городской меры пах воском и мокрым камнем. Запах земли был тяжёлым, железным, перемешанным с дымом, старой водой и чем-то горьким, что Эля не могла назвать. Здесь решения принимали быстро: чужаков либо выталкивали за ворота, либо сдавали тем, кто спрашивал громче. Эля замечала детали почти болезненно: на стене висела карта, где северная дорога была перечёркнута тонкой линией. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Эля не называла это страхом, потому что страх был простым, а внутри неё поднималось что-то более старое и упрямое. Её цель была простой только на словах: добиться права выйти северными воротами. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: мера потребовала оставить Тень в городе как залог безопасности. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар не повысил голос, но поставил ладонь на стол так, что писцы отступили заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Когда Эля сдерживала злость, Тень темнела; когда отворачивалась от страха, та, наоборот, становилась тоньше и злее, будто обижалась на отрицание. На этот раз она потянулась не к Эле, а к слуге, которого мера ударила за неверно поданную печать. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где на стене висела карта, где северная дорога была перечёркнута тонкой линией, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень не напала, а остановила удар, и от этого все испугались сильнее. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт

дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

В его молчании было больше заботы, чем в чужих клятвах. Эля это видела и потому сердилась: такую заботу труднее отвергнуть. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: добиться права выйти северными воротами. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: печать с надломленным кругом на донце сургуча. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Караваны здесь не пропадали бесследно. Если исчезали люди, кто-то получал их товар, их имена, их молчание. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Она поняла, что Тень забирает не кровь и не годы. Она забирает то, чем человек доказывает себе, что он всё ещё тот же самый. Эта плата пришла после того, как тень не напала, а остановила удар, и от этого все испугались сильнее. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: мера отпустила их, но отправила весть вперёд. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

К вечеру Лисса привела Элю к старому амбару. Воздух здесь не стоял на месте: он медленно тянулся вдоль кожи, будто проверял, сколько холода она ещё способна вынести. Дети на границе знали тайные ходы лучше стражи и платили за знание синяками. Эля замечала детали почти болезненно: в пыли были следы маленьких ног и широких копыт, обрывающиеся у задней стены. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Она заставила себя не смотреть на Аскара слишком долго: его спокойствие сейчас было опорой, но опора легко становилась слабостью. Её цель была простой только на словах: понять, почему караван исчез без боя. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: в амбаре кто-то оставил ловушку из тонкой теневой нити. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Лисса пыталась казаться храброй, но сжимала рукав Эли до боли заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Иногда Тень повторяла форму Рена так точно, что Эля забывала вдохнуть. Потом контур ломался, и на его месте оставалось не лицо, а вопрос. На этот раз она потянулась не к Эле, а к Лиссе, когда нить потянулась к её горлу. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто

между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где в пыли были следы маленьких ног и широких копыт, обрывающиеся у задней стены, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Эля приказала Тени остановиться, но та сама перерезала ловушку Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Аскар говорил с ней ровно, но в паузах между словами пряталась усталость человека, который уже однажды не успел кого-то спасти. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: понять, почему караван исчез без боя. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: половина знака Ноктарского дома, выжженная под кормушкой. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Чёрные бусины не были украшением. Ими помечали долг, кровь и приказ, который нельзя было записать обычными чернилами. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Внутри образовалась аккуратная пустота. Не рана, а вынутое место, будто кто-то бережно вырезал часть её личности и оставил края ровными. Эта плата пришла после того, как эля приказала Тени остановиться, но та сама перерезала ловушку. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они узнали, что караван ушёл не сам. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Северные ворота открылись перед рассветом. Ветер шёл низом, по траве и камням, и от него на дороге оставались тонкие серые полосы пыли. За ними начиналась дорога, которую городские называли мёртвой и всё равно брали плату за проход. Эля замечала детали почти болезненно: на камнях блестели капли чёрной смолы, похожие на застывшие слёзы. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Мысль о Рене коснулась её не болью, а пустым местом, где боль должна была быть, и это испугало сильнее. Её цель была простой только на словах: уйти до того, как слухи догонят их. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: дозорный потребовал обыскать мешок Эли и нашёл бусины. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Лисса отдала Эле узелок брата и попросила вернуть хотя бы имя заставило её замолчать. В этом была правда, от кото-

рой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Тень слушалась частично: отступала, но не исчезала; закрывала дорогу, но выбирала, кому помочь; молчала, но её молчание всё чаще напоминало ответ. На этот раз она потянулась не к Эле, а к дозорному, которому Тень показала его собственный страх. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где на камнях блестели капли чёрной смолы, похожие на застывшие слёзы, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. защита стала предупреждением: Тень выбирала меру наказания сама. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Он не просил доверия. Он поступал так, будто доверие — не дар, а мост, который строят по одной доске и проверяют ногой перед следующим шагом. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: уйти до того, как слухи догонят их. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: узелок с бусинами и детской пуговицей. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Знак Ноктарского дома выглядел простым только издали: три надломленные линии вокруг пустого круга, как семья вокруг тайны. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Цена пришла не сразу. Сначала голос сорвался на одном слове, потом в памяти рассыпалась интонация, которой Рен когда-то произносил её имя. Эта плата пришла после того, как защита стала предупреждением: Тень выбирала меру наказания сама. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: Эля приняла просьбу Лиссы как долг, а не случайную жалость. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Последний переулок вывел их к канаве за городом. День был тусклым, без настоящего света; небо казалось натянутой тканью, под которой кто-то прятал глухое пламя. Здесь выбрасывали то, о чём в городе не хотели помнить. Эля замечала детали почти болезненно: в грязи лежала сломанная ось с вырезанным знаком трёх линий вокруг пустого круга. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Она чувствовала вину, но уже понимала, что вина умеет притворяться верностью, если дать ей достаточно ночей. Её цель была простой только на словах: проверить след каравана до ухода на север. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: из канавы поднялся раненый возчик, приняв их за преследователей. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не

спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но его рассказ сбивался, но имя Лиссы заставило его плакать без звука заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Чем сильнее Эля пыталась быть спокойной, тем отчётливее Тень выдавала то, что она прятала. Ненависть, тоску, желание жить, от которого становилось стыдно. На этот раз она потянулась не к Эле, а к раненому возчику, когда он начал захлёбываться кровью. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где в грязи лежала сломанная ось с вырезанным знаком трёх линий вокруг пустого круга, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень удержала его жизнь на несколько вдохов, хотя Эля не просила. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Иногда он отступал от неё не потому, что хотел уйти, а потому, что боялся стать тем, кого Тень начнёт использовать против неё. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: проверить след каравана до ухода на север. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: полный знак Ноктарского дома на железной скобе. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. На границе люди говорили о Ноктарах шёпотом, будто само слово оставляло на языке чёрный след. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Она попыталась вспомнить смех Рена и нашла только знание о нём: он был, он звучал, он принадлежал ей. Сам звук исчез. Эта плата пришла после того, как тень удержала его жизнь на несколько вдохов, хотя Эля не просила. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: северная дорога стала личным следом Эли. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

За стенами город уменьшился до пятна дыма. Всё вокруг имело слишком чёткие края, словно мир вырезали заново и забыли сгладить швы. Дорога на север шла между голыми полями и пограничными камнями. Эля замечала детали почти болезненно: каждый камень был помечен старой зарубкой, похожей на закрытый глаз. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

В ней жила решимость, только не светлая и прямая, а тёмная, как корень, который растёт под землёй и ломает камень снизу. Её цель была простой только на словах: связать бусины,

знак и исчезновение в одну цепочку. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: за ними выехали двое людей меры, делая вид, что просто проверяют поля. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар дал Эле выбор: спрятаться или позволить преследователям увидеть, что она не убегает заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

От Тени тянуло холодом, но теперь в этом холоде было движение. Не дыхание и не воля человека, а собственный ритм существа, которое слишком долго кормили болью. На этот раз она потянулась не к Эле, а к лошади одного из преследователей, споткнувшейся у оврага. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где каждый камень был помечен старой зарубкой, похожей на закрытый глаз, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень спасла животное и этим сбила погоню с привычной жестокости Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Аскар не утешал её быстрыми словами. Он проверял дорогу, ставил себя между ней и чужим взглядом, отдавал последний сухой хлеб и делал вид, что это расчёт. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: связать бусины, знак и исчезновение в одну цепочку. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: осколок чёрного воска на подпруге. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Старые дороги помнили войну лучше живых: у каждого поворота была своя могила, у каждой заставы — свой запрет. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

После рывка силы пальцы несколько минут не слушались, а собственное имя показалось Эле чужим, как имя на могильном камне. Эта плата пришла после того, как тень спасла животное и этим сбила погоню с привычной жестокости. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они вышли на настоящую северную дорогу. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

В пограничном городе Аскар предложил ждать, а Эля — действовать. Она требовала назвать конкретную опасность; он заставил её перечислить, что они действительно знают об

улике «чёрная бусина». К концу разговора уверенности стало меньше у обоих. Именно поэтому решение оказалось общим, а не уступкой одного другому.

Впоследствии память начиналась с малого — с ощущения по пятну инея на краю плаща. Малое удерживало порядок событий лучше громких признаний и не позволяло переставить причину с последствием. Они получили северное направление и новую угрозу от меры.

Когда в пограничном городе стало достаточно тихо для размышлений, Эля вернулась к одной детали: у пустого прилавка лежали обрывки синей ткани с засохшей грязью. Она восстановила порядок событий вслух, а Аскар дважды остановил её там, где вывод опережал факт. К концу разговора у них осталось одно надёжное основание — три чёрные бусины, сшитые в край детского мешочка. Этого было мало для ответа, но достаточно для следующего шага.

Позднее Эля узнавала этот эпизод по теплу чужой крови, которого там уже не было. Подробность возвращала не только картину, но и ответственность за решение, принятое сразу после неё. Пропавший караван стал их дорогой, а не чужой бедой.

В пограничном городе привычка выдавала людей точнее признаний. Здесь решения принимали быстро: чужаков либо выталкивали за ворота, либо сдавали тем, кто спрашивал громче. Эля замечала, кто прячет руки, чей взгляд первым цепляется за улику «чёрная бусина», кто произносит название её крови как готовое обвинение. Чужой взгляд всё ещё пытался назначить ей место, однако теперь она отвечала не оправданием, а вопросом: что именно вы можете доказать?

Эля не делала из этого знамения; она лишь запомнила всё по недосказанному слову, оставшемуся между ними. Этого хватало, чтобы не подменить собственный выбор красивой версией, придуманной позднее. Мера отпустила их, но отправила весть вперёд.

Разбирая находку — чёрная бусина, Аскар напомнил, что граница хранит правду в вещах. Люди лгут из страха, дома — ради власти, а след колеса не умеет выбирать удобную версию. В пограничном городе Эля впервые увидела в этой жестокости опору: против неё могли говорить предрассудки, за неё — факты.

Пережитое удержалось не словами, а ощущением — по тени от дерева, похожей на закрытую дверь. Оно не давало готового ответа, но заставляло проверять, кому помогло её решение и кого поставило под удар. Они узнали, что караван ушёл не сам.

В пограничном городе память о Рене пришла без привычного требования немедленно расплатиться за то, что она выжила. Перед глазами оставалась улика — чёрная бусина. Эля заставила себя отделить последний выбор Рена от собственной вины. Чужая беда перестала быть отвлечённой, но любовь к мёртвому не обязана была превращаться в медленное самоубийство.

Когда воспоминание возвращалось, первым приходило ощущение по ощущению, что земля под ногами слушает. За ним следовали лица живых, которых затронуло решение, и вопросы, на которые нельзя было ответить одной виной. Эля приняла просьбу Лиссы как долг, а не случайную жалость.

Перед рассветом Тень нарушила границу, которую Эля считала установленной: потянулась к раненому возчику, когда он начал захлёбываться кровью и остановилась прежде, чем прозвучал приказ. Эля отозвала её не сразу. В пограничном городе впервые стало очевидно, что создание различает чужую боль и выбирает, на что откликнуться. Послушание осталось, но уже не было полным.

Впоследствии память начиналась с малого — с ощущения по сбитому дыханию после слова «останься». Малое удерживало порядок событий лучше громких признаний и не позволяло переставить причину с последствием. Северная дорога стала личным следом Эли.

Глава 16. Неприятное доверие

Утро на северной дороге началось без города за спиной. Тишина не успокаивала. Она следила, задерживалась за спиной и меняла форму вместе с каждым шагом. Граница не отпустила сразу: дым ещё виднелся, а слухи шли быстрее людей. Эля замечала детали почти болезненно: узелок Лиссы тяжело лежал в кармане, хотя в нём почти ничего не было. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Каждый новый ответ делал её не свободнее, а ответственнее, и это было почти невыносимо. Её цель была простой только на словах: понять, куда свернул караван после ворот. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: следы телег расходились на три стороны. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар молча отдал ей право выбрать первый след заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Тень держалась рядом, но больше не походила на послушную привязанную вещь. Она задерживалась у чужих ран, тянулась к невысказанному и возвращалась только после второго приказа. На этот раз она потянулась не к Эле, а к вороне с перебитым крылом у дорожного камня. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где узелок Лиссы тяжело лежал в кармане, хотя в нём почти ничего не было, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень накрыла птицу от холода, и Эля впервые увидела в ней не только оружие. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Он держался на расстоянии, которое можно было принять за холодность, но каждый раз оказывался именно там, где её могло сорвать. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: понять, куда свернул караван после ворот. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: кусочек чёрной нити на северном камне. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. У Эфиров свет означал свидетельство, у Ноктаров тень означала род. Между этими законами Эля стояла как ошибка, которую оба мира боялись признать. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Тело заплатило слабостью, но страшнее была другая потеря: один тёплый день из прошлого стал плоским и бесцветным. Эта плата пришла после того, как тень накрыла птицу от холода, и Эля впервые увидела в ней не только оружие. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал

паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они выбрали путь через заброшенные поля. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскарком, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Поле за старой мельницей было изрезано колеями. Запах земли был тяжёлым, железным, перемешанным с дымом, старой водой и чем-то горьким, что Эля не могла назвать. Здесь возчики обычно меняли упряжь, но сейчас место выглядело так, будто его вычистили от свидетелей. Эля замечала детали почти болезненно: на земле не осталось крови, только слишком ровные пятна чистой глины. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Эля не называла это страхом, потому что страх был простым, а внутри неё поднималось что-то более старое и упрямое. Её цель была простой только на словах: найти остатки караванного следа. Но простые цели на границе всегда обрастают чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: кто-то заметал колеи ветками и соломой. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Эля вспомнила, как Рен смеялся над её упрямством, и не смогла вспомнить сам звук смеха заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Когда Эля сдерживала злость, Тень темнела; когда отворачивалась от страха, та, наоборот, становилась тоньше и злее, будто обижалась на отрицание. На этот раз она потянулась не к Эле, а к следу ребёнка рядом с тележной колеей. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где на земле не осталось крови, только слишком ровные пятна чистой глины, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень легла поверх следа, защищая его от ветра Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

В его молчании было больше заботы, чем в чужих клятвах. Эля это видела и потому сердилась: такую заботу труднее отвергнуть. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: найти остатки караванного следа. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: чёрная бусина, вдавленная в копытный отпечаток. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Караваны здесь не пропадали бесследно. Если исчезали люди, кто-то получал их товар, их имена, их молчание. Эта находка не объясняла

путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Она поняла, что Тень забирает не кровь и не годы. Она забирает то, чем человек доказывает себе, что он всё ещё тот же самый. Эта плата пришла после того, как тень легла поверх следа, защищая его от ветра. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: след подтвердил: среди пропавших был ребёнок. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

У разрушенной часовни их догнал первый посланник меры. Воздух здесь не стоял на месте: он медленно тянулся вдоль кожи, будто проверял, сколько холода она ещё способна вынести. Люди на границе называли такие часовни нейтральными, но нейтральность кончалась там, где начинался страх. Эля замечала детали почти болезненно: под крышей висели ленточки с именами пропавших. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Она заставила себя не смотреть на Аскара слишком долго: его спокойствие сейчас было опорой, но опора легко становилась слабостью. Её цель была простой только на словах: не дать посланнику вернуть их в город. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: посланник принёс приказ задержать Элю до прибытия Ноктарского дозора. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар говорил тихо, и от этого слова звучали окончательнее заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Иногда Тень повторяла форму Рена так точно, что Эля забывала вдохнуть. Потом контур ломался, и на его месте оставалось не лицо, а вопрос. На этот раз она потянулась не к Эле, а к посланнику, когда его собственная лошадь понесла к провалу. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где под крышей висели ленточки с именами пропавших, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень остановила лошадь, но не отпустила повод сразу Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Аскар говорил с ней ровно, но в паузах между словами пряталась усталость человека, который уже однажды не успел кого-то спасти. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: не дать посланнику вернуть их в город. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать,

защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: печать меры, скреплённая воском со знаком чужого дома. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Чёрные бусины не были украшением. Ими помечали долг, кровь и приказ, который нельзя было записать обычными чернилами. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Внутри образовалась аккуратная пустота. Не рана, а вынутое место, будто кто-то бережно вырезал часть её личности и оставил края ровными. Эта плата пришла после того, как тень остановила лошадь, но не отпустила повод сразу. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они поняли, что городская власть уже связана с Ноктарами. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Днём они нашли место ночной стоянки каравана. Ветер шёл низом, по траве и камням, и от него на дороге оставались тонкие серые полосы пыли. Обычная стоянка пахнет золой, лошадиным потом и кислым хлебом; эта пахла вымытым камнем. Эля замечала детали почти болезненно: кострище было холодным, но пепел лежал кругом, не тронутый ветром. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Мысль о Рене коснулась её не болью, а пустым местом, где боль должна была быть, и это испугало сильнее. Её цель была простой только на словах: прочитать следы до темноты. Но простые цели на границе всегда обрастают чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: в центре круга стояла пустая детская кружка. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Эля не смогла сказать Лисино имя вслух с первого раза заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Тень слушалась частично: отступала, но не исчезала; закрывала дорогу, но выбирала, кому помочь; молчала, но её молчание всё чаще напоминало ответ. На этот раз она потянулась не к Эле, а к пустой кружке, которую Тень осторожно повернула к свету. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где кострище было холодным, но пепел лежал кругом, не тронутый ветром, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. вещи начали отвечать на вытесненное, и Эля испугалась собственного желания узнать Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Он не просил доверия. Он поступал так, будто доверие — не дар, а мост, который строят по одной доске и проверяют ногой перед следующим шагом. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: прочесть следы до темноты. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: на дне кружки царапина в виде надломленного круга. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Знак Ноктарского дома выглядел простым только издали: три надломленные линии вокруг пустого круга, как семья вокруг тайны. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Цена пришла не сразу. Сначала голос сорвался на одном слове, потом в памяти рассыпалась интонация, которой Рен когда-то произносил её имя. Эта плата пришла после того, как вещи начали отвечать на вытесненное, и Эля испугалась собственного желания узнать. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: она решила идти до конца следа, даже если караван уже мёртв. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Ночь принесла первый настоящий спор. День был тусклым, без настоящего света; небо казалось натянутой тканью, под которой кто-то прятал глухое пламя. У северной дороги ночь не темнела сразу, а сгущалась слоями, как чернила в воде. Эля замечала детали почти болезненно: Аскар поставил лагерь так, чтобы за спиной была каменная гряда. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Она чувствовала вину, но уже понимала, что вина умеет притворяться верностью, если дать ей достаточно ночей. Её цель была простой только на словах: договориться о правилах для Тени. Но простые цели на границе всегда обрастают чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: Тень не легла рядом с Элей, а стояла на краю света. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар сказал, что доверие без правил превращается в красивую смерть заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Чем сильнее Эля пыталась быть спокойной, тем отчётливее Тень выдавала то, что она прятала. Ненависть, тоску, желание жить, от которого становилось стыдно. На этот раз она потянулась не к Эле, а к огню, когда порыв ветра едва не погасил его. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там,

где боль была сильнее. Именно в этом месте, где Аскар поставил лагерь так, чтобы за спиной была каменная гряда, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень закрыла пламя, будто понимала цену тепла Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Иногда он отступал от неё не потому, что хотел уйти, а потому, что боялся стать тем, кого Тень начнёт использовать против неё. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: договориться о правилах для Тени. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: чёрная бусина в ладони Эли нагрелась без огня. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. На границе люди говорили о Ноктарах шёпотом, будто само слово оставляло на языке чёрный след. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Она попыталась вспомнить смех Рена и нашла только знание о нём: он был, он звучал, он принадлежал ей. Сам звук исчез. Эта плата пришла после того, как тень закрыла пламя, будто понимала цену тепла. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: они установили первое правило: Эля говорит приказ вслух. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

К полуночи Эля попыталась выполнить это правило. Всё вокруг имело слишком чёткие края, словно мир вырезали заново и забыли сгладить швы. Дорога спала, но в земле оставались звуки ушедших колёс. Эля замечала детали почти болезненно: она повторяла короткие команды, пока голос не стал хриплым. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

В ней жила решимость, только не светлая и прямая, а тёмная, как корень, который растёт под землёй и ломает камень снизу. Её цель была простой только на словах: заставить Тень отступать и возвращаться по слову. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: Тень слушалась через раз и однажды замерла перед Аскаром. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но Аскар не отшатнулся, хотя Эля увидела напряжение в его руке заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

От Тени тянуло холодом, но теперь в этом холоде было движение. Не дыхание и не воля человека, а собственный ритм существа, которое слишком долго кормили болью. На этот раз она потянулась не к Эле, а к Аскару, когда Тень коснулась его старого шрама. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где она повторяла короткие команды, пока голос не стал хриплым, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. прикосновение было не угрозой, а вопросом, и это испугало обоих. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Аскар не утешал её быстрыми словами. Он проверял дорогу, ставил себя между ней и чужим взглядом, отдавал последний сухой хлеб и делал вид, что это расчёт. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: заставить Тень отступить и возвращаться по слову. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: воспоминание о запахе Реновой куртки вдруг стало пустым. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. Старые дороги помнили войну лучше живых: у каждого поворота была своя могила, у каждой заставы — свой запрет. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

После рывка силы пальцы несколько минут не слушались, а собственное имя показалось Эле чужим, как имя на могильном камне. Эта плата пришла после того, как прикосновение было не угрозой, а вопросом, и это испугало обоих. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: Эля поняла, что цена уже началась. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Перед рассветом из темноты вышел мальчик-гонец. Тишина не успокаивала. Она следила, задерживалась за спиной и меняла форму вместе с каждым шагом. Таких детей нанимали за корку хлеба и забывали раньше, чем они успевали вернуться. Эля замечала детали почти болезненно: на его шее висела нитка с двумя чёрными бусинами. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Каждый новый ответ делал её не свободнее, а ответственнее, и это было почти невыносимо. Её цель была простой только на словах: узнать, кто послал предупреждение. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Аскар первым заметил препятствие: мальчик боялся не Эли, а того, кто должен был забрать его после поручения. Он не потянулся к оружию сразу, и от этого Эле стало тревожнее. Когда он не спешил с клинком, значит, опасность была сложнее удара. Он посмотрел на землю, на следы, на лица людей, если рядом были люди, и только потом перевёл взгляд на неё.

— Не делай резких движений, — сказал он. — Я и не собиралась. — Ты всегда собираешься, когда говоришь таким голосом. Она хотела возразить, но он назвал имя Лиссы и протянул обрывок карты заставило её замолчать. В этом была правда, от которой нельзя отмахнуться: она научилась выживать рывком, а теперь от неё требовалось выжить выдержкой.

Тень держалась рядом, но больше не походила на послушную привязанную вещь. Она задерживалась у чужих ран, тянулась к невысказанному и возвращалась только после второго приказа. На этот раз она потянулась не к Эле, а к мальчику, когда за кустами щёлкнул арбалет. Эля почувствовала не приказ, а сопротивление, будто между ней и Тенью появилась тонкая, туго натянутая нить. Она сказала: «Назад», но Тень отступила лишь наполовину. Остальная её часть осталась там, где боль была сильнее. Именно в этом месте, где на его шее висела нитка с двумя чёрными бусинами, непослушание Тени стало не общим страхом, а конкретным выбором.

Это изменило всё. Тень сама закрыла его, а Эля успела только вскрикнуть. Эля увидела, как чужие решения оставляют следы не хуже крови. Она поняла, что если пойдёт дальше, ей придётся отвечать не только за то, что делает она сама, но и за то, что делает Тень, когда считает её молчание согласием.

Он держался на расстоянии, которое можно было принять за холодность, но каждый раз оказывался именно там, где её могло сорвать. Здесь его осторожность касалась не общего страха, а того, что им предстояло: узнать, кто послал предупреждение. Он не назвал её виновной. Это было хуже и лучше одновременно. Виноватого можно спорить, оправдывать, защищать. А человека, которому дали выбор, приходится слушать. — Решай, — сказал он тихо. — Но решай сама, пока она не начала решать за тебя.

Когда всё закончилось, осталась улика: карта с северным привалом каравана. Эля держала её осторожно, будто вещь могла ожить. У Эфиров свет означал свидетельство, у Ноктаров тень означала род. Между этими законами Эля стояла как ошибка, которую оба мира боялись признать. Эта находка не объясняла путь, но сужала его. И в этом было достаточно жестокое утешение: они хотя бы знали, в какую сторону идти, даже если дорога становилась темнее.

Тело заплатило слабостью, но страшнее была другая потеря: один тёплый день из прошлого стал плоским и бесцветным. Эта плата пришла после того, как тень сама закрыла его, а Эля успела только вскрикнуть. Эля никому не сказала об этом сразу. Она боялась, что если произнесёт потерю вслух, та станет окончательной. Но Аскар услышал паузу там, где раньше у неё был ответ, и его лицо сделалось слишком спокойным. Так он выглядел, когда уже понял плохую новость и давал ей время догнать собственный страх.

К вечеру решение стало яснее: новая цель стала точной: старый привал у каменного моста. Это не приносило покоя. Зато приносило направление. Эля шла рядом с Аскаром, не впереди и не позади, и пыталась привыкнуть к мысли, что доверие не отменяет вины, а вина не обязана отменять каждый шаг к живым.

Когда на северной дороге стало достаточно тихо для размышлений, Эля вернулась к одной детали: узелок Лиссы тяжело лежал в кармане, хотя в нём почти ничего не было. Она восстановила порядок событий вслух, а Аскар дважды остановил её там, где вывод опережал факт. К концу разговора у них осталось одно надёжное основание — кусочек чёрной нити на северном камне. Этого было мало для ответа, но достаточно для следующего шага.

Позднее Эля узнавала этот эпизод по тому, как её имя прозвучало в устах другого человека. Подробность возвращала не только картину, но и ответственность за решение, принятое сразу после неё. Они выбрали путь через заброшенные поля.

На северной дороге привычка выдавала людей точнее признаний. Здесь возчики обычно меняли упряжь, но сейчас место выглядело так, будто его вычистили от свидетелей. Эля замечала, кто прячет руки, чей взгляд первым цепляется за улику «след колёс», кто произносит

название её крови как готовое обвинение. Чужой взгляд всё ещё пытался назначить ей место, однако теперь она отвечала не оправданием, а вопросом: что именно вы можете доказать?

Эля не делала из этого знамения; она лишь запомнила всё по камешку, попавшему в сапог и не дававшему забыться. Этого хватало, чтобы не подменить собственный выбор красивой версией, придуманной позднее. След подтвердил: среди пропавших был ребёнок.

Аскар остановился там, где обнаружилась улика: след колёс. Он показал, как на северной дороге проверяют правду — не красотой признания, а совпадением следов, печатей и чужих потерь. Для Эли это означало неприятное правило: её кровь могла вызвать подозрение, но не служила доказательством вины.

Среди спутанных впечатлений не исчезло одно: она могла узнать случившееся по пустоте там, где должен был родиться смех. От этой подробности выстраивалась цепочка действий, ошибок и последствий, которую уже нельзя было выдать за случайность. Они поняли, что городская власть уже связана с Ноктарами.

На северной дороге память о Рене пришла без привычного требования немедленно расплатиться за то, что она выжила. Перед глазами оставалась улика — след колёс. Эля заставила себя отделить последний выбор Рена от собственной вины. Доверие впервые стало практическим выбором, но любовь к мёртвому не обязана была превращаться в медленное самоубийство.

Когда воспоминание возвращалось, первым приходило ощущение по мелкой дрожи в пальцах, когда страх уже прошёл. За ним следовали лица живых, которых затронуло решение, и вопросы, на которые нельзя было ответить одной виной. Она решила идти до конца следа, даже если караван уже мёртв.

Перед рассветом Тень нарушила границу, которую Эля считала установленной: потянулась к огню, когда порыв ветра едва не погасил его и остановилась прежде, чем прозвучал приказ. Эля отозвала её не сразу. На северной дороге впервые стало очевидно, что создание различает чужую боль и выбирает, на что откликнуться. Послушание осталось, но уже не было полным.

Впоследствии память начиналась с малого — с ощущения по царапине на большом пальце. Малое удерживало порядок событий лучше громких признаний и не позволяло переставить причину с последствием. Они установили первое правило: Эля говорит приказ вслух.

Ночью случилось простое, но тревожное событие: к полуночи эля попыталась выполнить это правило. После этого всё вокруг показалось Эле чужим. Звуки на северной дороге стали резче, а Тень повернулась к земле, словно слушала то, чего не слышали люди. Эля попыталась вспомнить собственный смех и нашла только знание, что когда-то умела смеяться свободно. Потеря не болела, и именно это пугало сильнее боли.

Позднее Эля узнавала этот эпизод по запаху дыма, который не хотел уходить из волос. Детальность возвращала не только картину, но и ответственность за решение, принятое сразу после неё. Эля поняла, что цена уже началась.

Когда неизвестный преследователь оставался рядом, шаг Эли замедлился. Аскар без объявления перетянул к себе ремень самого тяжёлого мешка. Она заметила это рядом с уликой «след колёс» и вспыхнула, будто помощь была попыткой отнять у неё право решать. Он предложил вернуть ношу, если она действительно хочет тратить силы именно на неё. После этого злиться стало труднее.

Среди спутанных впечатлений не исчезло одно: она могла узнать случившееся по тому, как Тень задержалась на полшага позади. От этой подробности выстраивалась цепочка действий, ошибок и последствий, которую уже нельзя было выдать за случайность. Новая цель стала точной: старый привал у каменного моста.

На северной дороге Аскар предложил ждать, а Эля — действовать. Она требовала назвать конкретную опасность; он заставил её перечислить, что они действительно знают об улке «след колёс». К концу разговора уверенности стало меньше у обоих. Именно поэтому решение оказалось общим, а не уступкой одного другому.

Пережитое удержалось не словами, а ощущением — по пятну сажи на щеке мальчика. Оно не давало готового ответа, но заставляло проверять, кому помогло её решение и кого поставило под удар. Они выбрали путь через заброшенные поля.

Глава 17. Кошмар меняется

Лес за каменным мостом был не похож на человеческие земли. Запах земли был тяжёлым, железным, перемешанным с дымом, старой водой и чем-то горьким, что Эля не могла назвать. Ноктарские метки здесь не предупреждали, а считали входящих. Эля замечала детали почти болезненно: каждый ствол был рассечён тремя линиями вокруг пустого круга. После всего, что уже случилось, мелочи больше не казались мелочами. Из них складывались ловушки, предупреждения и дороги, которые нельзя было увидеть, пока не становилось поздно.

Эля не называла это страхом, потому что страх был простым, а внутри неё поднималось что-то более старое и упрямое. Её цель была простой только на словах: пройти к старому привалу до ночи. Но простые цели на границе всегда обрастали чужими условиями. Кто-то хотел платы, кто-то молчания, кто-то доказательства, что она не приведёт за собой смерть. А Эля всё чаще ловила себя на том, что смерть уже идёт рядом, только не всегда выбирает её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.